

СОМЕРСЕТ МОЭМ

Время и книги

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Сомерсет Моэм
Время и книги (сборник)

«АСТ»

1954, 1958

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

Моэм С.

Время и книги (сборник) / С. Моэм — «АСТ», 1954,
1958 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107844-7

Сборники «Десять величайших романов человечества» и «Точки зрения» – это остроумные, оригинальные размышления о времени, жизни и литературе, нестандартные и яркие заметки о достоинствах и недостатках гениев. Моэм не признает авторитетов в искусстве и по-своему оценивает произведения Стендаля и Гете, Мопассана и Бальзака, Толстого и Чехова. Его мнение зачастую расходится с общепринятым. Тем интереснее его читать, тем больше поразительных открытий сулит его книга!..

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107844-7

© Моэм С., 1954, 1958
© АСТ, 1954, 1958

Содержание

Десять величайших романов человечества	6
Десять величайших романов человечества	7
Лев Толстой и «Война и мир»	14
Оноре де Бальзак и «Отец Горио»	25
Генри Филдинг и «Том Джонс»	34
Джейн Остен и «Гордость и предубеждение»	42
Стендаль и «Красное и черное»	51
Эмили Бронте и «Грозовой перевал»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сомерсет Моэм

Время и книги

© The Royal Literary Fund

© Перевод. В. Бернацкая, 2013

© Школа перевода В. Баканова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Десять величайших романов человечества

Говорит мистер Моэм:

«...читатель должен получать от романа удовольствие. В противном случае роман ничего не стоит. Поэтому можно сказать, что каждый читатель сам себе лучший критик: ведь он один знает, что ему доставляет удовольствие, а что – нет...

Попробую определить, какие качества присущи хорошему роману. Его тема должна быть интересна большинству читателей... Сюжет должен быть ясным и убедительным, иметь начало, середину и конец, который логически вытекал бы из начала. Отдельным эпизодам следует быть правдоподобными и не только развивать тему, но и вырастать из нее. Созданные писателем образы должны обладать индивидуальностью, а их действия определяться характерами... И самое лучшее – если эти характеры будут интересными».

Десять величайших романов человечества

Мне хочется рассказать читателю, как случилось, что я написал эти эссе. Однажды, когда я еще находился в Соединенных Штатах, редактор «Редбук» попросил меня составить список романов, которые, на мой взгляд, были лучшими из лучших. Я выполнил его просьбу и больше об этом не думал.

В кратком пояснении к списку я написал: «Мудрый читатель получит огромное удовольствие от чтения этих книг, если он обладает полезным навыком пропускать лишнее». Через какое-то время американский издатель предложил мне переиздать эти романы, выпустив из них «лишние» куски, и снабдить каждый роман предисловием. Предложение меня заинтересовало, и я засел за работу. Большинство этих предисловий напечатали, некоторые появились в сокращенном виде в «Атлантик мантли», и так как оказалось, что читателей они заинтересовали, было решено удобства ради издать их в одной книге.

Первоначальный список претерпел одно изменение. Заканчивался список романом Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», но по ряду причин в окончательный вариант он не вошел. Сожалений по этому поводу я не испытываю. Роман Пруста – величайший роман столетия – очень длинный, и даже при существенных сокращениях его невозможно привести к приемлемому объему.

Успех его был огромен, но пришел слишком быстро, и требуется время, чтобы потомки оценили роман по заслугам. Фанатичным поклонникам Пруста, к коим я причисляю и себя, интересно каждое его слово; однажды, прибегнув к гиперболе, я написал, что скорее предпочту заскучать над Прустом, чем стану приятно проводить время над книгой другого автора, однако теперь готов признать, что не все части романа равноценны. Мне представляется, что последующие поколения потеряют интерес к тем пространным описаниям, которые написаны Прустом под влиянием господствовавших в его время психологических и философских теорий. Некоторые из них уже признаны ошибочными. Думаю, тогда станет еще очевиднее, что он великий юморист и его талант создавать оригинальные, разнообразные и жизненные характеры ставят его на один уровень с Бальзаком, Диккенсом и Толстым. Конечно, могло случиться так, что в сокращенной версии романа опущенными оказались бы те места, которые со временем станут цениться меньше, а остались бы те, что являются сущностью произведения и представляют непреходящий интерес. «В поисках утраченного времени» по-прежнему был бы огромным романом, но и превосходным.

Окончательный список десяти лучших романов выглядит так:

«Том Джонс»,
«Гордость и предубеждение»,
«Красное и черное»,
«Отец Горио»,
«Дэвид Копперфилд»,
«Грозовой Перевал»,
«Госпожа Бовари»,
«Моби Дик»,
«Война и мир»,
«Братья Карамазовы».

Начнем с того, что признать существование десяти лучших романов человечества – явная нелепость. Нет десяти лучших романов. Не уверен, что можно говорить даже о сотне; если попросить пятьдесят человек, начитанных и культурных, выбрать сто лучших романов, то по меньшей мере двести или триста произведений будут упомянуты не один раз, и, думаю, что

в этих пятидесяти списках, если их составят люди, говорящие на английском, найдут место и мои десять романов. Я делаю акцент на англоязычном читателе, потому что по крайней мере один из десяти романов – «Моби Дик» – мало известен образованной европейской публике, и у меня есть большие сомнения, что его знает в Германии, Испании или Франции кто-то, помимо студентов, изучающих английскую литературу. В восемнадцатом веке во Франции увлеченно читали английскую литературу, но с того времени вплоть до сегодняшнего дня французы перестали проявлять интерес к чему-либо, написанному за пределом их границы, и потому во французский список ста лучших романов войдут произведения или неизвестные в англоязычных странах, или малочитаемые.

Большой разброс мнений можно легко объяснить. Существует множество причин, по которым определенный роман может понравиться даже искушенному читателю, и тот отыщет в нем выдающиеся достоинства. Ведь он мог прочесть роман в определенный период своей жизни или при особых обстоятельствах, когда сочинение легко могло его растрогать или тема и место действия привлечь в результате личных склонностей или ассоциаций. Я допускаю, что страстный любитель музыки назвал бы «Мориса Геста» Генри Гендела Ричардсона¹ одним из десяти лучших романов, а уроженец «Пяти городов», восхищенный точностью, с какой Арнольд Беннетт² описал дух места и его обитателей, включил бы в список «Повесть о старых женщинах». Оба романа хороши, но я не думаю, что читатель с непредвзятым мнением назвал бы их среди десяти лучших. К некоторым книгам читателя влечет его национальность, по этой же причине он находит в них больше достоинств, чем остальная публика. В качестве примера скажу, что любой образованный француз, составляя подобный список, включил бы в него «Принцессу Клевскую» мадам де Лафайет, что было бы справедливо, ибо роман обладает выдающимися достоинствами. В литературе это первый психологический роман; сама история – трогательная и убедительная, характеры изображены тонко и изящно; роман написан с блеском и не затянут. Действие относится ко времени, хорошо известному каждому французскому школьнику – нравственное состояние общества знакомо ему по драмам Корнеля и Расина; ассоциации с наиболее великолепным периодом французской истории придают роману особый шарм, а сам он является весомым вкладом в этот золотой век французской литературы. Но английскому или американскому читателю герои могут показаться искусственными, их поведение – неестественным, а обостренное чувство чести, отношение к собственному достоинству – смешными. Я не говорю, что они правы, просто подобные читатели никогда не назвали бы этот роман в числе десяти лучших.

Но, как мне представляется, главной причиной такой разбросанности мнений по поводу достоинств разных романов является несовершенство самой романной формы. Не существует идеального романа. Во всех десяти, названных мною, есть к чему придраться, что я и собираюсь сделать в предисловиях к ним, потому что ничто не принесет больший вред читателю, чем неумеренная хвала, часто сопровождающая книги, обычно причисляемые к классике. Читатель видит, что тот и тот эпизоды совершенно неправдоподобны, вот эти характеры фальшивы, а некоторые описания скучны. Если он отличается вспыльчивым нравом, то станет кричать, что критики, заверившие его, что он прочтет шедевр, – сборище идиотов; если он человек скромный, то станет винить себя, решив, что роман выше его понимания; а если он упрямый и настойчивый, то добросовестно продолжит чтение, но удовольствия не получит. Однако от чтения читатель должен получать удовольствие. В противном случае роман ничего не стоит. Поэтому можно сказать, что каждый читатель сам себе лучший критик: ведь он один знает, что ему доставляет удовольствие, а что – нет. Никто не заставляет читать беллетристику. Критик

¹ Генри Гендел Ричардсон (наст. имя Этель Ричардсон, 1870–1946) – австралийская писательница. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Арнольд Беннет (1867–1931) – английский писатель. Как романист наиболее полно раскрылся в цикле романов о промышленном районе – «Пять городов» («Анна из Пяти городов», 1902, «Повесть о старых женщинах», 1908).

может оказать помощь, указав, что, по его мнению (и в этом его важная функция), относится к достоинствам романа, который признан великим, и в чем его недостатки. Но, повторюсь, главное – предупредить читателя, что тому не следует искать в романе совершенства.

Перед тем как подробнее поговорить об этом, мне хочется сказать кое-что о читателях беллетристики. Романист имеет право требовать от них определенных вещей. Имеет право требовать определенного усердия, необходимого для прочтения книги в триста или четыреста страниц, и достаточного воображения, чтобы мысленно представить сцены, которыми писатель хочет их заинтересовать, и вдуматься в созданные образы. И наконец, романист имеет право ждать от своих читателей способности к сочувствию, иначе они не смогут сопереживать любви, печали, горестям, опасностям и приключениям героев романа. Если читатель не может отдать частицу себя, он не получит от романа то лучшее, что тот способен дать.

Сейчас я попробую определить, какие качества, на мой взгляд, присущи хорошему роману. Его тема должна быть интересна большинству читателей – не только определенному слою, будь то критики, профессора, интеллектуалы, водители грузовиков или посудомойки, – она должна быть интересной самым разным мужчинам и женщинам. Для ясности приведу пример: можно написать роман о системе Монтессори³, чрезвычайно интересный педагогам, но я никогда не поверю, что он поднимется выше посредственного произведения. В хорошем романе сюжет должен быть ясным и убедительным, иметь начало, середину и конец, который логически вытекал бы из начала. Отдельным эпизодам следует быть правдоподобными и не только развивать тему, но и вырастать из нее. Созданные писателем герои должны обладать индивидуальностью, а их действия определяться характерами, чтобы читатель никогда не мог сказать: такой-то и такая-то никогда не поступили бы так, а напротив, сказал бы: как раз этого я и ждал от героев. И самое лучшее – если характеры героев будут интересными.

Флобер написал роман под названием «Воспитание чувств» – его превозносят многие замечательные критики, – сознательно сделав главным персонажем человека такого незначительного, такого невыразительного, что невозможно сопереживать ни тому, что он делает, ни тому, что с ним происходит; в результате, несмотря на неоспоримые достоинства книги, ее трудно читать. Думаю, мне следует объяснить, почему я утверждаю, что герои должны обладать индивидуальностью; от писателя трудно ожидать, чтобы он создал совершенно новые характеры: человеческая природа – вот материал, с которым он работает, и хотя существует множество типов людей самого разного общественного положения, все же эти типы не бесконечны, да и романы, рассказы, пьесы, эпопеи пишутся не одну сотню лет, и шанс, что писатель создаст принципиально новый характер, ничтожный. Окидывая беглым взглядом прошлую литературу, я вижу только один абсолютно оригинальный образ – Дон Кихота, но несколько не удивлюсь, если какой-нибудь ученый критик отыщет в глубине веков его прототип. Можно считать, что автору повезло, если он сумел пропустить характеры через свою индивидуальность, – конечно, если та необычна, – и придать им обманчивый облик оригинальности.

Характер должен определять не только поведение, но и речь героя. Светская женщина должна говорить как светская женщина, проститутка – как проститутка, продавец мороженого – как продавец мороженого, адвокат – как адвокат. Диалогу не следует быть беспорядочным или выражать мысли самого автора; задача диалога – раскрыть характер говорящего и способствовать развитию действия. Описания должны быть живыми, относящимися к делу, и не длиннее, чем требуется для того, чтобы заинтересовать читателя, а ситуации, в которых действуют герои, – понятными и убедительными. Изложение – достаточно простым, чтобы роман мог с легкостью прочесть человек с рядовым образованием, а стиль – так подходить к содержанию, как хорошо сшитая туфелька – хорошенькой ножке. И конечно же, роман должен быть

³ Система обучения и воспитания детей, разработанная педагогом и врачом Марией Монтессори (1870–1952), основана на идеях свободного воспитания.

занимательным. Я заговорил об этом в конце, но это непереносимое качество, без которого все остальные теряют смысл. Никто, находясь в своем уме, не станет читать роман, чтобы чему-то научиться или получить наставление. Если читателю надо именно это, то он будет круглым дураком, если откроет роман, а не учебник или сборник проповедей.

Но даже если роман обладает всеми перечисленными качествами – а это весьма много, – в самой его форме, словно изъят в драгоценном камне, есть некий дефект, не позволяющий добиться совершенства. Жанр рассказа позволяет прочесть его – в зависимости от длины – за время от десяти минут до часа; в нем одна четкая тема – некое событие или несколько тесно связанных друг с другом событий, духовного или физического свойства, обретающих к финалу законченность. В идеале к рассказу нельзя ничего прибавить или от него убавить. Думаю, тут можно достичь совершенства, и более того, не сомневаюсь, что не составит труда собрать приличное количество рассказов, где это достигнуто. Но роман может быть любой длины – таким огромным, как «Война и мир», где на протяжении определенного времени происходят разные события и действует множество героев, или таким коротким, как «Кармен». И вот, чтобы повествование было правдоподобным, а характеры героев не казались фальшивыми, автор должен включать в текст некоторые факты, имеющие отношение к основной истории, но неинтересные сами по себе. События часто нужно отделять одно от другого временным отрезком, и автору приходится для равновесия придумывать в меру сил куски текста, которые заполнили бы лакуны. Такие куски называются вставками. Некоторые писатели стремятся обойтись без них и перескакивают, так сказать, от одного яркого события к другому, не менее яркому, но мне не приходит в голову ни один пример, когда такое решение привело бы к успеху. Большинство предпочитает вставки, добиваясь большего или меньшего успеха, однако очевидно, что в целом читать их будет утомительно.

Писатель – человек, у него есть свои увлечения и фантазии, а свободная форма романа – особенно если он написан на английском или русском языках, – дает возможность поговорить о том, что близко его сердцу, и редко у кого хватает силы духа или критического чутья понять: то, что интересно ему, не обязательно вставлять в роман, если в этом нет необходимости. Почти невероятно, чтобы писатель при его повышенной чувствительности не был подвержен модным влияниям своего времени, и потому он часто пишет о том, что при изменении моды теряет привлекательность. Позвольте привести пример: до девятнадцатого века романисты отводили пейзажу мало места – несколько слов, и все, но с приходом романтизма стало модным вводить в текст пространные описания ландшафта. Герой не мог пойти и купить в аптеке зубную щетку без того, чтобы автор не сообщил, как выглядели дома, мимо которых он проходил, и что продавалось в магазинах. Рассвет и закат, звездная ночь, безоблачное небо, растущая и убывающая луна, беспокойное море, снежные вершины гор, мрачные леса – все давало повод для бесконечных описаний. Многие из них были очень красивы, но совершенно излишни, и писатели не скоро поняли, что самый поэтический, великолепно написанный пейзаж выглядит неуместно, если в нем нет необходимости – то есть если он не способствует раскрытию сюжета и не рассказывает читателю нечто важное о героях. В этом еще одно несовершенство романной формы, но и оно не последнее – есть еще недостаток, которого не избежать. Так как роман – жанр, предполагающий достаточную длину произведения, он соответственно требует и определенного времени на написание – нескольких недель по меньшей мере, обычно нескольких месяцев, а иногда и лет. Невозможно находиться так долго под чарами вдохновения. Не люблю употреблять последнее слово. По отношению к прозе оно звучит несколько претенциозно, и я предпочел бы оставить его поэтам. Поэтическое искусство благороднее прозы, но у прозаиков есть компенсация: стихотворение, если оно не шедевр, остается неизвестным публике, а роман, даже не очень удачный, привлекает внимание. Но прозаик пишет под влиянием если не вдохновения, то того, что я, за неимением лучшего слова, назову подсознанием. Возможно, потому, что этот неопределенный термин, обозначающий нечто смутное, как нельзя лучше

дает представление о писателе, который является активным деятелем, только пока не начал писать, ведь тогда он становится чем-то вроде пишущего под диктовку секретаря; он обнаруживает, что пишет о вещах, о которых даже не подозревал, что знает; к нему неизвестно откуда приходят удачные мысли, а неожиданные идеи сваливаются на него как нежданные гости. Не думаю, что тут замешана мистика: неожиданные идеи – несомненно, результат прошлого жизненного опыта; удачные мысли возникают от ассоциаций, а вещи, о которых он думал, что их не знает, хранились в тайниках памяти. Подсознание вынесло их на поверхность, и они спокойно потекли с пера на бумагу. Однако подсознание своевольно и несговорчиво, на него нельзя давить и его не разбудишь никаким усилием воли; оно похоже на ветер, который дует, куда хочет, и на дождь, который равно поливает и правого и виноватого. У опытного писателя есть разные способы добиться его помощи, но иногда подсознание упрямится. Предоставленному самому себе – а в такой затяжной работе, как написание романа, это случается часто, – писателю остается только положиться на упорство и трудолюбие и на свой опыт. Будет чудом, если при помощи только этих качеств ему удастся удержать внимание читателя.

Когда я прикинул, сколько препятствий приходится преодолевать прозаику, скольких ловушек избегать, меня перестало удивлять несовершенство даже великих романов. Напротив, меня удивляло, когда недостатков было не так много. В основном по этой причине невозможно отобрать десять романов и сказать, что именно они лучшие. Могу назвать еще десять, которые по-своему не хуже тех, что я отобрал: «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Кузина Бетти», «Пармская обитель», «Доводы рассудка», «Тристрам Шенди», «Ярмарка тщеславия», «Миддлмарч»⁴, «Послы»⁵, «Жиль Блаз». Я могу привести убедительные причины, почему отобрал первые десять, и не менее убедительные, почему отобрал только что названные. Мой выбор случаен.

В прошлом читатели предпочитали длинные романы и автору подчас приходилось готовить для печатного станка больше материала, чем того требовал сюжет. Но нашелся простой выход. Автор вставлял в текст романа отдельные истории, иногда настолько длинные, что они тянули на новеллы, – вставки не имели ничего общего с основной темой или в лучшем случае – самое отдаленное касательство. Ни один писатель не делал этого с большей беспечностью, чем Сервантес в «Дон Кихоте». К этим вставкам всегда относились как к бесполезным пустотам в бессмертном творении, сейчас их пробегают глазами в раздражении. Современники критиковали писателя за это, и во второй части романа он изжил эту дурную привычку, совершив то, что обычно считается невозможным: продолжение романа лучше первой части; однако это не помешало преуспевающим писателям (которые, несомненно, не читают критику) пользоваться привычным приемом, дающим им возможность передать книгопродавцам объемный том, подходящий для продажи. В девятнадцатом столетии новые способы публикации принесли писателям очередные искушения. Ежемесячные журналы, отводящие много места тому роду литературы, который пренебрежительно зовется «легким», стали процветать, давая авторам возможность представлять свою работу публике частями с выгодой для себя. Приблизительно в то же время издатели поняли, что имеет смысл издавать романы популярных писателей в ежемесячных выпусках. В обоих случаях авторы были обязаны предоставить к сроку определенное количество страниц. Подобная система располагала к нетребовательности к себе и многоречивости. Во Франции, где платили по строчкам, авторы не колеблясь писали их как можно больше. Таким образом они зарабатывали на жизнь, но даже в этом случае гонорары были невысоки. Однажды Бальзак, побывав в Италии и находясь под сильным впечатлением от увиденных картин (а кто бы остался равнодушным?), прервал сюжетную линию романа и вставил в текст ни больше ни меньше как статью об этих картинах. По признанию авторов таких

⁴ «Миддлмарч» – роман английской писательницы Джордж Элиот (наст. имя Мэри Энн Эванс, 1819–1880).

⁵ «Послы» (1903) – роман американского писателя Генри Джеймса (1843–1916).

сериалов, иногда даже лучшие из них – Диккенс, Теккерей, Тrolлоп – считали ненавистой обязанностью в срок сдать очередную главу. Неудивительно, что они раздували текст, перегружая его не относящимися к делу эпизодами. Однажды печатники предупредили за короткий срок Диккенса, что в очередном ежемесячнике ему отвели два листа, шестнадцать страниц, и ему пришлось сесть за работу и вымучивать из себя текст, стараясь, чтобы тот был как можно пристойнее. Диккенс уже изрядно поднаторел в такой работе, и совершенно очевидно, что первым делом он написал страницы, которые были важны для продолжения основной темы романа.

Но у читателя нет никаких причин мириться с недостатками романа – не важно, присущи они изначально его форме, проистекают от слабости писательского дара, или от моды, или от способа печати. Для нормального читателя чтение романа – не работа. Для него чтение – развлечение. Он хочет уйти от своих проблем и готов погрузиться в жизнь героев, увидеть, как они поведут себя в данных обстоятельствах и что с ними случится; он сочувствует их невзгодам и радуется успехам; он ставит себя на их место и в какой-то степени живет их жизнью. Их мировоззрение, отношение к важным вопросам человеческой мысли, высказанные в словах или показанные в действиях, вызывают в нем удивление, удовольствие или негодование. Однако он инстинктивно чувствует, что именно ему интересно, и выискивает это так же уверенно, как собака лисий след. Иногда из-за просчета автора он теряет след на какое-то время, пока вновь не нападает на него. Остальное приходится читать по диагонали.

Всем свойственно пропускать какие-то куски текста, но делать это без потерь трудно. Насколько мне известно, некоторые люди от природы обладают даром динамического чтения, но его можно обрести и тренировкой. Доктор Джонсон⁶ мастерски им владел, и Босуэлл⁷ рассказывает, что «у того была удивительная способность с первого взгляда понять, что есть главное в любой книге, не тратя времени на чтение ее с начала до конца». Но Босуэлл, несомненно, имел в виду научную литературу; что до романа, то если читать его трудно, лучше не читать вовсе. Однако, к сожалению, из-за несовершенства формы, присущего роману, из-за просчетов автора или способов публикации лишь небольшое число романов можно прочесть полностью с неослабевающим интересом. Перескакивать с одного места на другое – возможно, плохая привычка, но она навязана читателю. Впрочем, когда читатель начинает опускать то одно, то другое место, он может пропустить многое, что было бы интересно узнать.

Читатели прошлых времен, похоже, обладали большим терпением, чем нынешние. Развлечений было немного, и они могли читать длинные романы, что теперь делать довольно трудно. Прежних читателей не раздражали отступления и несоответствия, разбивавшие повествование. Но некоторые из романов с подобными недостатками – одни из лучших, что были написаны. Печально, что по этой причине их будут все реже читать.

Эта книга была задумана с тем, чтобы заставить читателей познакомиться с ними. Была предпринята попытка убрать из выбранных десяти романов то, что не относится непосредственно к истории, которую рассказывает автор, к его мыслям по этому поводу и раскрытию созданных образов. Некоторые изучающие литературу студенты, профессора и критики воскликнут: ужасно, когда калечат шедевр, его надо читать в том виде, в каком он написан. Но делают ли это они сами? Думаю, они прибегают к динамическому чтению, пропуская ненужное, – возможно, они отточили навыки такого чтения для своей пользы, но большинство людей не умеют этого, и будет лучше, если это сделает за них кто-то, обладающий вкусом и интуицией. Если он справится с этой работой, то подарит читателю роман, который тот прочтет, наслаждаясь каждым словом.

⁶ Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский критик и поэт эпохи Просвещения.

⁷ Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель, друг и биограф Сэмюэла Джонсона.

О «Дон Кихоте» Кольридж сказал, что роман надо один раз прочесть внимательно, а впоследствии только в него заглядывать, то есть косвенно подтвердил, что некоторые части в нем скучны и даже нелепы, и читать их снова – пустая трата времени. Это великий и значительный роман, и профессионально изучающий литературу студент должен, без сомнения, один раз прочесть его целиком (лично я прочел его от корки до корки три раза), но я убежден, что обычный читатель, читающий для своего удовольствия, ничего не потеряет, пропустив скучные места. Напротив, тем больше он насладится теми частями книги, где происходят приключения, а благородный рыцарь и его практичный оруженосец ведут между собой забавный и трогательный разговор. Есть еще один роман, тоже весьма значительный, хотя назвать его великим будет большой натяжкой. Это «Кларисса» Сэмюэла Ричардсона, справиться с объемом которого могут только самые стойкие приверженцы романа. Не думаю, что я когда-нибудь прочел бы его, если бы случайно не наткнулся на сокращенный вариант. Работа по сокращению романа была проделана очень искусно, и у меня не возникло чувства, что нечто важное упущено.

В сокращениях нет ничего предосудительного. Не сомневаюсь, что любая увидевшая сцену пьеса в процессе репетиций подвергалась большей или меньшей переработке.

Не вижу причин, почему с романом нельзя поступить так же. Ведь мы знаем, что в большинстве издательств есть штат редакторов, в чьи обязанности входит работа с рукописью, после чего книга обычно становится лучше. Если читатели начнут читать великие романы, которых не знали раньше, пока из них не выбросили куски, подобно тому, как с дерева спиливают сухие ветви, значит, усилия издателей и редакторов оправданны. Читатели не потеряли ничего важного – в книгах все сохранилось, и они получают полноценное интеллектуальное наслаждение.

Лев Толстой и «Война и мир»

Я считаю Бальзака величайшим романистом всех времен и народов, но самым великим романом – «Войну и мир» Толстого. Не было раньше и, по моему убеждению, не будет и впредь романа столь всеобъемлющего, действие которого – с огромным количеством героев – разворачивается в исключительно важный исторический период. Его справедливо называют эпопеей. Не знаю другого произведения, которое, не лукавя, можно было бы так же охарактеризовать. Страхов, друг Толстого и замечательный критик, выразил свое мнение в нескольких выразительных предложениях: «Полная картина человеческой жизни. Полная картина тогдашней России. Полная картина того, что можно назвать историей и борьбой народов. Полная картина всего, в чем люди полагают свое счастье и величие, горе и унижение. Вот что такое «Война и мир».

Когда Толстой начал писать роман, ему было тридцать шесть – возраст, когда творческая активность находится на самом пике, – закончил его только через шесть лет. Выбранное им время действия – наполеоновские войны, кульминация – вторжение Наполеона в Россию, пожар Москвы, отступление и разложение французского войска. В начале работы Толстой собирался написать роман из семейной жизни мелкопоместного дворянства, а исторические события должны были служить всего лишь фоном. Предполагалось, что герои романа, переживая испытания, духовно растут и в конце, очистившись после многих страданий, находят покой и счастье в лоне семьи. Однако во время работы Толстой стал уделять все больше внимания титанической битве противоборствующих сил и, основываясь на обширных знаниях, создал свою философию истории, о которой я вкратце скажу позже.

Считается, что в романе около пятисот персонажей. Все они четко охарактеризованы и ясны для читателя. Уже это большое достижение. Внимание автора сосредоточено не на двух или трех героях, как в большинстве романов, и даже не на одной группе, а на членах четырех аристократических семейств – Ростовых, Болконских, Курагиных и Безуховых. Трудность, которую всегда испытывает романист, если тема затрагивает судьбы больше чем одной группы людей, заключается в сложности мотивированного переключения действия из одной среды в другую, переключения естественного, чтобы его приняли. Тогда читатель понимает, что в течение некоторого времени ему рассказывали то, что необходимо знать об одной группе персонажей, и теперь готов выслушать, как обстоят дела у других, о судьбе которых он все это время ничего не знал. В целом Толстому удастся делать это так органично, что кажется, будто нить повествования не прерывается.

Как и большинство писателей, Толстой создавал персонажей, используя черты людей, которых знал или о которых слышал; конечно, он использовал их только как типы, и, как только включал воображение, они становились его творениями. По слухам, образ расточительного графа навеян дедом, Николаем Ростовым – отцом, а трогательной и пленительной княжной Марьи – матерью. Создавая образы двух мужчин, которых можно назвать главными героями романа, – Пьера Безухова и князя Андрея, – Толстой, по мнению многих, имел в виду себя; зная его противоречивую личность, предположить такое вовсе не странно: на примере этих полярных персонажей он хотел прояснить и постичь собственный характер. Пьер и князь Андрей сходны в том, что, как и Толстой, ищут внутренней гармонии, задаются вопросом, в чем тайна жизни и смерти, и не находят на него ответа; в остальном это совершенно разные люди. Князь Андрей – личность романтическая, он галантный кавалер, у него сильно выражено чувство собственного достоинства, он благороден и в то же время заносчив, деспотичен, нетерпим и безрассуден. Но, несмотря на все свои недостатки, он обладает притягательной силой, чего не скажешь о Пьере. Пьер – добрый, sentimentalный, щедрый, скромный, благородный и самоотверженный и одновременно слабый, нерешительный, доверчивый, его так легко обмануть,

что это начинает раздражать. Его стремление творить добро, самому быть добрым вызывает сочувствие, но так ли необходимо делать его дураком? А главы, где в поисках ответа на мучающие его загадки бытия он присоединяется к «вольным каменщикам», одни из самых скучных в романе.

Они оба влюблены в Наташу, младшую дочь графа Ростова – самый пленительный образ юной девушки в литературе. Нет более трудной задачи, чем написать портрет девушки – обворожительной и в то же время интересной. В литературе такие девушки обычно бесцветны (Эмилия в «Ярмарке тщеславия»), самоуверенны (Фанни в «Мэнсфилд-парке»), слишком уж умны (Констанция Дарем в «Эгоисте») или слегка простоваты (Дора в «Дэвиде Копперфилде»), они или глупенькие кокетки, или невинны до умопомрачения. Вполне объяснимо, что писателю трудно дается такой характер: ведь в юном возрасте личность еще не сформировалась. Подобным образом и художник может сделать портрет значительным, только если превратности судьбы, размышления, любовь и страдания наложили на него свою печать. Рисуя юную девушку, самое большее, чего он может достичь, – это передать на холсте прелесть и красоту юности. Но Наташа совершенно естественна. Она мила, впечатлительна, полна сочувствия, своевольна, по-женски идеалистична, вспыльчива, сердечна, упряма, капризна – и всегда очаровательна. Толстой создал много женских образов, все они удивительно жизненны, однако ни одна так не пленяет сердце читателя, как Наташа.

В такой огромной книге, как «Война и мир», которая так долго создавалась, неизбежно найдутся места, написанные автором недостаточно ярко и живо. Я уже говорил, что скучна и затянута история взаимоотношений Пьера и масонов, а к концу романа, как мне кажется, Толстой несколько утратил интерес к своим героям. У него сложилась собственная философия истории, которую кратко можно изложить так: не великие люди оказывают влияние на течение событий, а некая заключенная в народах сила, подспудно ведущая их к победе или поражению. Александр, Цезарь, Наполеон – всего лишь подставные фигурки, символы несущей их силы, которую они не могут контролировать и которой не могут сопротивляться. Наполеон выигрывал сражения не благодаря своему стратегическому дару и большой численности войска, ведь его приказы не исполнялись, и не потому, что изменилась ситуация или ответный удар не нанесли во время, а потому, что враг был убежден: битва проиграна, и бежал с поля боя. Для Толстого герой войны – главнокомандующий Кутузов, потому что он ничего не делает, избегает решительной битвы и просто ждет, когда французская армия сама себя уничтожит. Возможно, здесь, как и во всех других теориях Толстого, изрядная доля истины перемешана с изрядной долей заблуждения – примером может служить его эстетический трактат «Что такое искусство», – но я не могу считать себя экспертом в этом вопросе. Допускаю, что именно для подтверждения своей теории он посвятил так много глав подробному описанию отступления французской армии из Москвы. С исторической точки зрения это, наверное, хорошо, но с литературной – не очень.

Но если художественная мощь Толстого убывает в последней части его великого романа, то она с лихвой возвращается к нему в эпилоге. Великолепная находка. И до него романисты обычно рассказывали читателю, что произошло с главными героями после того, как закончилась основная история. Ему сообщали, что герой и героиня жили счастливо и благополучно, информировали о количестве детей; главный же негодяй, если его не успели прикончить до конца романа, прозябал в нищете, женившись на ворчливой карге, – то есть получал по заслугам. Такой эпилог носил формальный характер, был не больше одной-двух страниц, оставляя у читателя впечатление, что автор снисходительно бросил ему на прощание кость. Толстой же написал по-настоящему важный эпилог. Прошло семь лет, и мы оказываемся в доме Николая Ростова, старшего сына графа, женатого на богатой женщине и имеющего детей; к ним приехали погостить Пьер и Наташа. Наташа замужем, и у нее тоже есть дети. Но их высокие стремления, жизненная активность сменились скучным, обеспеченным, спокойным существо-

ванием. Они любят друг друга, но ох какими неинтересными они стали, какими заурядными! После всех перипетий, после пережитых страданий и боли они превратились в самодовольных людей среднего возраста. Нежная, непредсказуемая, очаровательная Наташа стала рачительной матерью семейства. Отважный и благородный Николай Ростов – теперь самоуверенный хозяин поместья, а Пьер, все такой же толстый и добродушный, нисколько не поумнел. Счастливым конец – глубоко трагичен. Не думаю, чтобы Толстой писал эпилог, испытывая при этом горечь, просто он знал, что все к этому приходят, и говорил правду.

Толстой вышел из среды, где не часто рождаются известные писатели. Самый младший из пятерых детей графа Николая Толстого и княжны Марии Волконской родился в Ясной Поляне, родовом имении матери. Родители умерли, когда он был еще ребенком. Сначала он учился дома, потом в Казанском и Петербургском университетах. Студент он был плохой и диплома нигде не получил. Родственные связи открыли ему двери аристократических домов; он посещал балы, званые вечера и приемы – сначала в Казани, потом в Санкт-Петербурге и Москве. Служил на Кавказе и участвовал в Крымской войне.

В то время он много пил и играл в азартные игры; однажды, чтобы отдать карточный долг, ему пришлось продать дом в Ясной Поляне, доставшийся по наследству. Страстный по натуре, на Кавказе он зара зился гонореей. Из дневников видно, что после ночного кутежа, ночи за картами, или с женщинами, или пирушки с цыганами, – последнее, если судить по русской литературе, наивно считается, или считалось, отличным времяпрепровождением, – его мучили угрызения совести; однако, когда подворачивался случай, все повторялось. Физически крепкий, он мог без усталости шагать весь день или провести десять – двенадцать часов в седле, но роста был небольшого и невзрачной наружности. «Я знал, что некрасив, – писал он. – Были минуты, когда меня охватывало отчаяние: я думал, что нельзя быть счастливым на земле человеку с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазками; и я просил Бога совершить чудо и сделать меня красивым, за красивое лицо я отдал бы все, что у меня есть и что будет в будущем».

Он не знал, что нелюбимое им некрасивое лицо излучает духовную силу, делавшую его бесконечно привлекательным. Не видел своего взгляда, придававшего обаяние облику. В то время он элегантно одевался (надеясь, как бедняга Стендаль, что модная одежда компенсирует некрасивость), не забывая о своем высоком социальном положении. Один из студентов, учившихся с ним в Казанском университете, пишет: «Я избегал графа, который в нашу первую встречу вызвал у меня неприязнь холодным высокомерием, жесткой щетиной волос и пронзительным взглядом полуприкрытых глаз. Раньше я никогда не встречал молодого человека с таким холодным и – непонятным для меня – надменным и самодовольным видом... Он едва ответил на мое приветствие, словно желал показать, что у нас разное положение...» И в армии он смотрел на товарищей-офицеров со снисходительным презрением. «Сначала, – писал Толстой, – многое шокировало меня в обществе, но постепенно я привык, хотя и не сближался с этими господами. Я нашел золотую середину – ни высокомерия, ни фамильярности».

Служа на Кавказе и впоследствии в Севастополе, Толстой написал несколько очерков и рассказов, а также идеализированное описание своего детства и ранней юности; напечатанные в журнале, они вызвали у публики живой интерес, и когда он вернулся с войны, его тепло приняли в Петербурге. Однако ему не понравились люди, с которыми он познакомился. Да и он им не приглянулся. Убежденный в собственной искренности, Толстой всегда сомневался в искренности других, о чем без тени сомнения им сообщал. Мнение рождалось у него мгновенно – он его никогда не вынашивал. Он был несдержан, груб в возражениях и высокомерно безразличен к чувствам других людей. Тургенев говорил, что ничто не приводило его в такое замешательство, как инквизиторский взгляд Толстого, который вкупе с несколькими едкими словами мог привести человека в ярость. Толстой плохо переносил критику, и когда случайно

прочитывал в печати неодобрительный отзыв о себе, сразу посылал автору вызов, и его друзьям стоило большого труда предотвратить дуэль по пустячному поводу.

В это время Россия переживала всплеск либерализма. На повестке дня стоял срочный вопрос об освобождении крестьян, и Толстой, проведя несколько месяцев в столице в легкомысленных забавах, вернулся в Ясную Поляну с твердым намерением освободить своих крепостных, но те, боясь подвоха, отказались. Тогда он открыл для крестьянских детей школу. Его методы были революционные. Ученики имели право не ходить в школу, а находясь в ней, не слушать учителя. Не существовало никакой дисциплины, отсутствовали наказания. Толстой проводил с детьми весь день – учил, а вечером играл с ними, рассказывал разные истории и пел песни.

Приблизительно в то же время у Толстого началась связь с женой его крепостного, в результате чего родился сын. В более поздние годы незаконнорожденный Тимофей служил кучером у одного из младших сыновей графа. Биографам этот факт представляется любопытным: у отца Толстого тоже был незаконнорожденный сын, который также служил кучером в семье Толстых. Лично мне это кажется своего рода моральной черствостью. Скорее можно было бы предположить, что Толстой, с его обостренной чувствительностью, с твердой решимостью вывести крепостных из их униженного положения, дать им образование, приучить к чистоте, порядочности, самоуважению, – что-то сделает и для собственного сына. У Тургенева тоже был незаконнорожденный ребенок, девочка, но он заботился о ней, нанял учителей, был серьезно озабочен ее благополучием. Неужели Толстой не испытывал смущения, видя на облучке родного сына, который везет брата, законного наследника?

Одна из особенностей толстовского темперамента – его способность страстно увлекаться новым делом, но со временем неизбежно остывать. Не слабое упорство – не его добродетель. Два года он руководил школой в Ясной Поляне, но потом счел результаты своей деятельности неудовлетворительными и закрыл ее. Он устал, испытывал недовольство собой и плохо себя чувствовал. Позднее он писал, что мог впасть в отчаяние, если бы не оставалась еще одна, не исследованная им сторона жизни, позволявшая надеяться на счастье, – женитьба.

И Толстой решился на эксперимент. Ему тогда было тридцать четыре года. Он женился на Соне, восемнадцатилетней девушке, младшей из двух дочерей доктора Берса, известного московского врача и старого друга семьи. Молодые поселились в Ясной Поляне. За первые одиннадцать лет супружеской жизни графиня родила восемь детей и пять за последующие пятнадцать.

Толстой любил лошадей, хорошо ездил верхом, и еще он страстно любил охоту. Он навел порядок в хозяйстве и купил новые имения к востоку от Волги, став собственником шестнадцати тысяч акров земли. Жизнь протекала в обычном для его круга русле. В России многие дворяне в юные годы играли по крупной, пьянствовали и развратничали, потом женились, заводили детей и, остепенившись, уединялись в своих имениях, ездили верхом, охотились; довольно многие разделяли либеральные взгляды Толстого – их мучило невежество крестьян, чудовищная бедность и нищета, в какой те жили, и они искали пути улучшения положения своих крепостных. Толстой отличался от них только тем, что за это время написал два великих романа – «Войну и мир» и «Анну Каренину». Как такое могло случиться, покрыто тайной; это так же необъяснимо, как написание сыном и наследником ограниченного сассекского помещика «Оды западному ветру»⁸.

В молодости Соня Толстая, по-видимому, была привлекательной девушкой. Грациозная фигура, красивые глаза, слегка крупноватый нос и темные, блестящие волосы. В ней была жизненная сила, задор, она обладала красивым голосом. Толстой долгие годы вел дневник, где писал не только о своих мыслях и надеждах, мольбах и самообвинениях, но также и о проступ-

⁸ «Ода западному ветру» – стихотворение английского поэта Перси Биши Шелли (1792–1822).

ках – сексуального и прочего характера. Желая ничего не скрывать от будущей жены, он при обручении дал ей прочесть этот дневник. Чтение ее потрясло, но после проведенной в слезах бессонной ночи она вернула дневник со словами прощения. Она простила, но не забыла. Оба были невероятно эмоциональны – как говорится, с характером. Обычно под этим подразумевают, что такие люди обладают некоторыми неприятными чертами. Графиня была придирчивая, властная и ревнивая; Толстой – резкий и нетерпимый. Он настоял, чтобы жена сама кормила грудью детей, – она повиновалась с радостью, но однажды, когда при рождении одного из них груди ее воспалились, и пришлось взять кормилицу, муж несправедливо рассердился на нее. Супруги часто ссорились и бурно мирились. Они очень любили друг друга, и в целом их брак был счастливым. Толстой много работал и неустанно писал. У него был неразборчивый почерк, но графиня, переписывавшая все, что он писал, преуспела в его расшифровке, и даже понимала значение торопливых записей и незаконченных предложений. Говорят, что «Войну и мир» она переписала семь раз.

Профессор Симмонс так описал день писателя: «Вся семья собралась за завтраком, остроты и шутки хозяина оживляют беседу. Но вот он встает со словами: «Пора приниматься за работу», – и скрывается в кабинете, обычно захватив с собой стакан крепкого чая. Никто не осмеливается его беспокоить. После полудня он выходит, чтобы размяться, – на пешую или конную прогулку. В пять возвращается – к обеду, жадно ест, а когда утолит голод, развлекает всех присутствующих живыми впечатлениями от сегодняшней прогулки. После обеда он снова удаляется в кабинет и читает там до восьми, а потом присоединяется к родным и гостям, пьющим чай в гостиной. Часто там звучит музыка, читают вслух или затевают разные игры для детей».

Это была деятельная, полезная и счастливая жизнь, и казалось, нет никаких причин, чтобы она не продолжалась еще много лет в таком же приятном и размеренном духе: Соня рожала детей, ухаживала за ними, вела дом, помогала мужу в работе, а Толстой ездил верхом, охотился, занимался хозяйством и писал книги. Он был на пороге пятидесятилетия – опасного возраста для мужчины. Молодость осталась позади, и, оглядываясь назад, спрашиваешь, чего стоила твоя жизнь, а глядя вперед, видишь приближение старости и никаких особых перспектив. И еще страх, преследовавший Толстого всю жизнь, – страх смерти. От смерти никто не уйдет, и большинство поступают разумно, вспоминая о ней только в моменты опасности или серьезной болезни. Но Толстой о ней никогда не забывал. Вот как он описывает в «Исповеди» свое умонастроение того времени: «Пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить по-прежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и все в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачем? Ну а потом? Я чувствовал, что под моими ногами пропасть. То, чем я жил, больше не существовало, жить было незачем.

Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать – и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать, но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным.

И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения. При этом я не только был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной, и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я

мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми – десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий.

Душевное состояние это выражалось для меня так: жизнь моя есть какая-то кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка»⁹.

Еще в детстве он перестал верить в Бога, но утрата веры сделала его несчастным и неудовлетворенным: ведь у него не было теории, которая помогла бы ему разгадать загадку жизни. Он спрашивал себя: «Почему я живу, и как мне следует жить?» Ответа не было. Теперь он вновь поверил в Бога, придя к вере рациональным путем, что довольно странно для такого эмоционального человека. «Если я существую, – писал Толстой, – значит, тому должна быть причина, и для всех причин тоже должна быть причина. И первопричина всего – то, что люди называют Богом». Это одно из старейших доказательств существования Бога. Толстой не верил в связь между Богом и отдельным человеком и тогда еще не верил в загробное существование, хотя позднее, когда он пришел к выводу, что Личность – часть Бесконечности, ему показалось невероятным, чтобы она умирала вместе с телом. На какое-то время он примкнул к Русской православной церкви, но его оттолкнуло то, что жизнь образованных людей не соответствовала исповедуемым ими принципам, и он понял, что не может верить всему, чего от него ждут. Он был готов принять только то, что было достоверно в простом, буквальном смысле, и стал присматриваться к верующим среди бедных, простых, неграмотных людей, и чем больше он узнавал их жизнь, тем больше убеждался, что, несмотря на суеверия и предрассудки, их вера истинна, потому что необходима: только она вносит смысл в их существование и дает силы жить.

Минули годы, пока Толстой окончательно не выработал свое мировоззрение, и эти годы прошли в мучительных размышлениях и исследованиях. Трудно кратко и точно изложить его взгляды, и я приступаю к такой попытке с большим сомнением. Толстой отвергает все таинства, утверждая, что о них ничего не говорится в учении Христа и они служат только для сокрытия истины; отвергает как очевидный абсурд и оскорбление человеческого разума богословскую систему, в которой излагается христианская доктрина, и приходит к убеждению, что истина кроется только в словах Христа. Он верит, что смысл Его учения лежит в правиле: не сопротивляйтесь злу; заповедь не давать клятв, он распространяет не только на часто повторяемые слова-паразиты, а на любые клятвы – при даче свидетельских показаний, при произнесении воинской присяги; а наказ любить врагов ваших, благословлять проклинающих вас, по его мнению, запрещает защищать страну от врагов или оказывать сопротивление при нападении. Для Толстого естественно жить согласно своим принципам: если он пришел к заключению, что смысл христианства в любви, смирении, самоотречении и воздаянии добром за зло – значит, он должен отказаться от радостей жизни, трудиться, смирять себя, страдать и быть милосердным.

Соня Толстая, благочестивая прихожанка православной церкви, настаивала, чтобы ее дети получили религиозное воспитание, и, как могла, исполняла в этой области свой долг, наложенный на нее Провидением. Она не обладала глубокой духовностью – у нее было слишком мало для этого времени: так много рожала она детей, вскармливала их грудью, следила за их воспитанием, и еще вела большое хозяйство. Она не понимала и не симпатизировала смене мировоззрения мужа, но относилась к этому терпимо. Однако ее стало раздражать, когда духовные перемены стали отражаться на его поведении, и она открыто это показывала. Теперь Толстой считал, что его долг – как можно меньше прибегать к услугам других: он топил печь, носил воду и сам чинил одежду. Чтобы зарабатывать на хлеб своими руками, он научился у сапожника тачать сапоги. В Ясной Поляне он трудился наравне с крестьянами – пахал, убирал сено и колол дрова; графиня всего этого не одобряла: она считала, что с утра до вечера он занимается вредной физической работой, какую даже у крестьян делают молодые люди.

⁹ Цитируется по «Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 23».

«Ты, конечно, скажешь, – писала она мужу, – что такая жизнь соответствует твоим убеждениям и что тебе она нравится. Это другое дело, и я могу только сказать: получай удовольствие! Но в то же время меня огорчает, что такой могучий интеллект тратится на колку дров, разжигание самоваров и шитье обуви. Как отдых или смена деятельности – это прекрасно, но не как самостоятельное занятие». И в этом она права. Со стороны Толстого было непросительной глупостью думать, что физический труд благороднее умственного. Даже если он считал, что безнравственно писать романы для праздного чтения богатых людей, трудно поверить, что он не мог найти занятия, где требовалась бы большая сообразительность, чем в сапожном деле, – тем более что обувь у него получалась плохая, и люди, которым он ее дарил, не могли ее носить. Толстой стал одеваться как крестьянин, ходил неряшливый и неопрятный. Рассказывают, что однажды он пришел обедать после того, как грузил навоз, и от него так дурно пахло, что пришлось открыть все окна. Он перестал охотиться, хотя в прошлом был страстным охотником, и стал вегетарианцем, протестуя против убийства животных для еды. Толстой уже давно мало пил, а теперь совсем перестал и в конце концов после продолжительной борьбы бросил курить.

К этому времени подросли дети, и ради их образования, а также потому, что старшей дочери Тане пора было выезжать в свет, графиня настояла, чтобы семья провела зиму в Москве. В Москве Толстого потряс контраст между роскошью богачей и нищетой бедняков. «Я чувствовал, и чувствую, и не перестану чувствовать, – писал он, – что, пока у меня есть избыток пищи, а другие голодают, пока у меня два пальто, а у других ни одного, я участвую в постоянно возобновляемом преступлении». Тщетно говорили ему, что богатые и бедные всегда существовали и всегда будут существовать; он чувствовал, что это неправильно. После посещения ночлежки для бездомных он был так потрясен увиденным, что ему было стыдно идти домой и есть обед из пяти блюд, который подавали лакеи в ливреях, в белых бабочках и белых перчатках. Толстой пробовал раздавать деньги беднякам, обращавшимся за помощью в нужде, но пришел к выводу, что выпрашиваемые деньги приносят больше вред, чем добро. «Деньги – зло», – говорил он. – И дающий деньги творит зло». Отсюда один шаг до убеждения, что собственность безнравственна и обладание ею – тоже.

Для такого человека, как Толстой, следующий шаг очевиден: он решил освободиться от всего, чем владел; но на этом пути его ждал яростный конфликт с женой, у которой не было никакого желания становиться нищей и оставлять детей без копейки. Она грозила подать судебный иск о признании его недееспособным, и после долгих ожесточенных споров Толстой предложил перевести на нее все имущество. Жена отказалась, и тогда он разделил состояние между ней и детьми. Так как подобные споры не раз возобновлялись, он предпринял попытку покинуть дом и жить среди крестьян, но вернулся с пути, понимая, какую боль причинит жене его уход. Он продолжал жить в Ясной Поляне, страдая от окружавшего его умеренного комфорта, однако пользовался им. Разногласия продолжались. Толстой не одобрял традиционное образование, которое графиня давала детям, и не мог ей простить, что она помешала распорядиться собственностью, как ему хотелось.

После духовного переворота Толстой прожил еще тридцать лет, но у меня нет возможности подробно рассказывать об этом периоде. Приходится опустить многое, хотя это не лишено интереса. Толстой становится общественным деятелем и приобретает известность не только как великий русский писатель, но и как всемирно знаменитый романист, педагог и моралист. Люди, стремившиеся жить в соответствии с его взглядами, создавали колонии. Они терпели неудачи, когда пытались применить на практике теорию непротивления злу, и история их злоключений одновременно поучительна и комична.

Из-за подозрительности Толстого, резкости суждений, нетерпимости, нескрываемого убеждения, что несогласие с ним проистекает только из низких мотивов, у него осталось мало друзей, но по мере роста его славы в Ясную Поляну устремились студенты, паломники, приез-

жавшие поклониться святым местам России, туристы, поклонники и ученики, богатые и бедные, аристократы и обычные люди.

Как я уже говорил, Соня Толстая была ревнивая собственница, она всегда хотела единолично владеть мужем и возмущалась нашествием чужаков. Ее терпение подвергалось жестокому испытанию: «Познакомив людей со своими прекрасными мыслями, – писала она, – и пережив прилив сентиментальных чувств к себе, он продолжал вести прежнюю жизнь – любил вкусно поесть, катался на велосипеде, ездил верхом, испытывал вожделение». В другой раз она написала в дневнике: «Не могу удержаться от жалоб, потому что все эти вещи, которые он осуществляет на практике ради счастья человечества, так усложняют существование, что мне все труднее жить. Из-за его вегетарианства приходится готовить два обеда, что дороже и больше загружает прислугу. Его проповеди любви и добра оборачиваются равнодушием к собственной семье и вторжением в наш домашний круг разного сброда».

Одним из первых разделил взгляды Толстого молодой человек по фамилии Чертков. Этот богатый гвардейский капитан, поверив в принцип непротивления, вышел в отставку. Честный человек, идеалист и энтузиаст, он, однако, обладал властным характером и уникальной способностью подчинять людей своей воле; по словам Элмера Мода¹⁰, все, кто вступал с ним в контакт, становились орудием в его руках, а те, кто спорил с ним, в конце концов уходили. Между ним и Толстым возникла сильная привязанность, конец которой положила смерть писателя; Чертков оказывал на Толстого сильное влияние, что приводило в ярость графиню.

Большинству друзей взгляды Толстого казались чересчур радикальными; Чертков же постоянно побуждал его идти дальше и применять свои принципы на практике более решительно. Поглощенный духовным совершенствованием, Толстой забросил управление имениями, и теперь они приносили не триста тысяч долларов, как раньше, а всего двадцать пять тысяч. Этого явно не хватало на ведение домашнего хозяйства и на образование кучи детей. Графиня убедила мужа передать ей права на все написанное им до 1881 года и на взятые в долг деньги развернула собственное дело по изданию книг мужа. Дело так процветало, что ей хватило на все. Это противоречило убеждению Толстого, согласно которому безнравственно владеть правами на его литературное творчество, и когда Чертков завоевал достаточное влияние, он вынудил писателя объявить, что все написанное им после 1881 года переходит в общественную собственность и может издаваться каждым. Уже этого было достаточно, чтобы вызвать гнев графини, но Толстой пошел дальше: он требовал, чтобы жена отказалась от прав на ранние книги, в числе которых были и самые известные романы, но она стояла на своем: эти книги давали возможность существовать ей и детям. Ожесточенные, длительные споры продолжались. Соня и Чертков не давали Толстому ни минуты покоя. Их требования разрывали его, и ни одно из них он не считал себя вправе отвергнуть.

В 1896 году Толстому было шестьдесят восемь. Он был женат тридцать четыре года, большинство детей выросло, вторая дочь готовилась выйти замуж, а в это время его жена, которой было пятьдесят два, влюбилась в композитора Танеева, мужчину много моложе себя. Толстой был шокирован, пристыжен и возмущен. Вот что он написал ей в письме: «Твоя близость с Танеевым отвратительна, я не могу спокойно к этому относиться. Если я буду продолжать жить с тобой, закрыв на все глаза, это только сократит и отравит мою жизнь. Уже год я не живу. Ты это знаешь. Я сказал тебе об этом в раздражении и с мольбой. Недавно я пробовал молчать. Что только я не перепробовал, и все без толку. Ваша близость не прекращается, и я вижу, что так может тянуться до бесконечности. Больше терпеть я не могу. Очевидно, что ты не можешь прекратить эту близость, значит, остается одно – расстаться. Я это твердо решил. Нужно только

¹⁰ Элмер Мод – создатель полного англоязычного собрания произведений Толстого, создал в Британии колонию толстовцев.

придумать, как это сделать. Думаю, лучше всего мне уехать за границу. Нам надо подумать, как поступить. Одно точно – так жить нельзя».

Но они не расстались и продолжали мучить друг друга. Графиня преследовала композитора со страстью влюбленной стареющей женщины; поначалу это льстило ему, но вскоре он устал от ее чувств, на которые не мог ответить взаимностью и которые делали из него посмешище. Наконец Соня поняла, что композитор избегает ее; дело кончилось тем, что он публично унизил графиню, чем глубоко ее оскорбил. Она пришла к выводу, что Танеев «толстокожий человек, грубый телом и духом», и бесславный роман пришел к концу.

К этому времени раздор между супругами приобрел широкую известность, и для Сони постоянным источником обиды было то, что ученики, теперь единственные друзья мужа, встали на его сторону, относясь к ней враждебно, ведь она мешала поступать ему по совести.

Пересмотр взглядов не принес Толстому счастья. Он потерял друзей, стал причиной распрей в семье и внес разлад в отношения с женой. Его последователи укоряли писателя, что тот по-прежнему живет в роскоши, и он находил справедливыми эти укоры. В дневнике он писал: «Итак, я на семидесятом году жизни всей душой жажду покоя и уединения, пусть не полной гармонии, но чего-то лучшего, чем это вопиющее несоответствие между моей жизнью и убеждениями».

Здоровье Толстого ухудшалось. В течение следующих десяти лет он несколько раз болел, причем одна болезнь была настолько серьезна, что он чуть не умер. Горький, который видел Толстого в этот период, пишет, что это был очень худой, маленький и седой человек с пронзительными глазами и острым взглядом. Лицо в глубоких морщинах заканчивалось длинной седой клочковатой бородой. Он был уже восьмидесятилетний старец. Прошел год, прошел другой. Толстому исполнилось восемьдесят два. Он быстро угасал, и было ясно, что ему осталось жить несколько месяцев. Но и они были отравлены отвратительными ссорами. Чертков, который, очевидно, не совсем разделял толстовский взгляд о безнравственности собственности, купил имение по соседству с Ясной Поляной, что упростило их общение. Теперь он настаивал, чтобы Толстой добился исполнения своего желания – после его смерти все его произведения должны быть переданы в общественную собственность. Графиня была глубоко возмущена тем, что может потерять контроль над романами, переданными ей двадцать пять лет назад. Давняя вражда между ней и Чертковым перешла в открытую войну. Все дети, за исключением младшей дочери Александры, находившейся под сильным влиянием Черткова, были на стороне матери; они не собирались вести ту жизнь, какой ждал от них отец, и хотя он разделил между ними семейные владения, не видели причин, почему им следует отказываться от тех больших денег, которые приносили его сочинения. Вопреки семейному нажиму Толстой написал завещание, в котором передавал права на свои книги народу, и заявлял также, что все существующие на момент его смерти рукописи должны быть отданы Черткову для передачи тем, кто хотел бы их напечатать. Но такое завещание можно было оспорить, и Чертков уговорил Толстого составить еще одно завещание. Свидетелей тайком привели в дом, чтобы графиня не догадалась, в чем дело, и Толстой, уединившись в кабинете, своей рукой переписал документ. В новом завещании все права переходили к Александре, которую Чертков предложил в качестве номинального собственника, сдержанно объяснив впоследствии свой поступок: «Я не сомневался, что жене и детям Толстого не понравится, если официальным наследником станет не член семьи». Звучит правдоподобно, если учесть, что такое завещание лишало их главного источника существования. Но и это завещание не удовлетворило Черткова, и он составил еще одно, которое Толстой переписал, сидя на пне в лесу вблизи дома Черткова. По этому завещанию все рукописи отходили к Черткову.

Страсти кипели и вокруг дневников Толстого последних лет. Муж и жена в течение долгого времени вели дневники, и было заведено, что каждый имеет право читать дневник другого, когда захочет. Неудачное соглашение: ведь недовольство признаниями того, чей днев-

ник читаешь, приводило к встречным контробвинениям. Ранние дневники хранились у Сони, но дневники последних десяти лет Толстой передал Черткову. Графиня вознамерилась вернуть дневники – частично потому, что их можно было выгодно издать, но больше из-за того, что Толстой откровенно рассказывал там об их разногласиях, и она не хотела, чтобы все об этом узнали. Она послала к Черткову человека с требованием вернуть дневники. Он отказался. Тогда она стала угрожать, что в случае их невозвращения отравится или утопится, и Толстой, потрясенный устроенной ей сценой, забрал дневники у Черткова и поместил в банк. Чертков написал ему письмо, о котором Толстой отозвался в дневнике так: «Я получил от Черткова письмо, полное упреков и обвинений. Они рвут меня на части. Иногда мне приходит в голову мысль уйти от них всех как можно дальше».

Чуть ли не с юности у Толстого возникло желание оставить суетный мир и уединиться в таком месте, где он мог бы в одиночестве заняться самоусовершенствованием; и как многие другие писатели, он вложил эту мечту в образы своих героев – Пьера в «Войне и мире» и Левина в «Анне Карениной», – в них много от него самого. А теперь жизненные обстоятельства сложились так, что это желание стало навязчивой идеей. Его жена, его дети причиняли ему боль. Мучило и неодобрение сторонников, считавших, что он должен воплотить свои принципы в жизнь. Многим причиняло боль то, что сам он не следует тому, что проповедует. Ежедневно он получал приносящие боль письма с обвинениями в лицемерии. Один рьяный ученик умолял его в письме раздать имущество родственникам и беднякам, остаться безо всего и бродить по свету как нищий. Толстой написал ему в ответ: «Ваше письмо глубоко тронуло меня. То, что вы советуете, – моя заветная мечта, но до сих пор у меня не было возможности ее осуществить. Тому много причин... но главная – мои действия не должны причинить боль другим». Люди часто загоняют в подсознание истинные мотивы своих поступков, и, исходя из этого, я думаю, что настоящая причина, почему Толстой не поступал так, как требовали ученики и его совесть, – в том, что он не слишком этого хотел. В писательской психологии есть одна отличительная черта, не помню, чтобы о ней кто-то упоминал, хотя она очевидна для всех, кто изучал биографии писателей. Каждое произведение творческого человека есть до какой-то степени сублимация его инстинктов, желаний, мечты – назовите это как угодно, – которые он по некой причине подавил, но, придав им литературную форму, освободился, выпустив их на свободу. Назвать это полным удовлетворением нельзя: у писателя остается чувство неполноценности сделанного. В этом источник прославления писателем человека действия и завистливого восхищения, какое он питает к нему. Вполне возможно, что для Толстого занятие физическим трудом было заменой отторгнутых инстинктов. Возможно также, что он нашел бы в себе силы делать то, что искренне считал правильным, но сочинительство сводило на нет его решимость.

Конечно, он был прирожденный писатель, и его природное чутье помогало ему излагать содержание наиболее эффектным, драматическим и интересным образом. Я предполагаю, что в своих нравоучительных сочинениях, стремясь сделать их суть более выразительной, он давал волю перу и излагал свои теории гораздо бескомпромисснее, чем если бы, задумавшись, осознал, к каким последствиям это приведет. Однажды он признал, что компромисс, недопустимый в теории, в практике неизбежен. Затем он, конечно, отказался от своих слов: ведь если компромисс в практике неизбежен, значит, что-то не в порядке с теорией. К несчастью для Толстого, его друзья, последователи, все те, кто толпами наезжали в Ясную Поляну, не могли примириться, что их идол унижится до компромисса. Есть нечто жестокое в той настойчивости, с какой они заставляли старика принести себя в жертву их понятию о драматическом соблюдении норм поведения. Он оказался узником собственной идеи. Его сочинения, оказанное ими на многих влияние, иногда – с катастрофическими последствиями, поклонение, уважение, любовь, питаемые к нему, ставили Толстого в положение, из которого был только один выход, но он не мог на это пойти.

И когда наконец Толстой покинул дом, отправившись в знаменитое, но гибельное путешествие, закончившееся его смертью, это произошло не потому, что он решился на шаг, который требовали от него совесть и друзья, – он просто бежал от жены. Непосредственная причина его ухода была случайна. Он пошел спать, но вскоре услышал, как в кабинете Соня роется в его бумагах. Тайное завещание не давало ему покоя, и он, возможно, подумал, что жена каким-то образом узнала о нем и теперь его ищет. Когда Соня покинула кабинет, он встал, собрал рукописи, взял немного из одежды, разбудил доктора, который последнее время жил в доме, и сказал, что уезжает. Разбудили Александру, подняли с постели кучера, запрягли лошадей, и Толстой поехал в сопровождении доктора на станцию. Было пять часов утра. Поезд был переполнен, и Толстому пришлось стоять на открытой площадке в конце вагона под дождем и холодным ветром. Первая остановка была в Шамардине, где в монастыре жила его сестра-монахиня; там к нему присоединилась Александра. Она сообщила последние новости: узнав о бегстве мужа, графиня пыталась покончить с собой. Это была не первая ее попытка самоубийства, но так как она не скрывала своих намерений, возможная трагедия оборачивалась суетой и беспокойными хлопотами. Александра настаивала на продолжении пути: ведь мать могла разведать, где он, и последовать за ним. Билеты взяли до Ростова-на-Дону. В пути Толстой сильно простудился; он чувствовал себя так плохо, что доктор постановил сойти на ближайшей станции. Место, где они остановились, называлось Астапово. Начальник станции, узнав, кто больной, предоставил в его распоряжение свой дом.

На следующий день Толстой послал телеграмму Черткову, а Александра вызвала старшего брата, поручив ему привезти врача из Москвы. Но Толстой был слишком крупной фигурой, чтобы его передвижения остались незамеченными, и в течение двадцати четырех часов графиня узнала от газетчиков, где находится ее муж. Вместе с детьми, которые жили в Ясной Поляне, она поспешила в Астапово, но Толстой находился в таком плохом состоянии, что приняли решение не сообщать ему о приезде жены, и ту не впустили в дом. Известие о болезни Толстого всколыхнуло весь мир. Всю неделю, что длилась болезнь, в Астапове толпились правительственные чиновники, полицейские, представители железной дороги, журналисты, фотографы и многие другие. Все эти люди жили в железнодорожных вагонах, поставленных на запасные пути, а местный телеграф с трудом справлялся с возросшим объемом работы. Толстой умирал на глазах всего мира. Приезжало много врачей, под конец с ним оставили пятерых. Больной часто впадал в бессознательное состояние, но в минуты просветления беспокоился о Соне, веря, что она находится дома и не знает, где он. Толстой сознавал, что умирает. Всю жизнь он боялся смерти, но сейчас страх отступил. «Мне конец, – сказал он, – но это не важно». Ему становилось все хуже. В бреду он выкрикивал: «Бежать! Бежать!» Наконец к нему впустили Соню. Он был без сознания. Она упала на колени и поцеловала его руку; он издал глубокий вздох, но никак не показал, что знает о ее приходе. Вскоре после шести утра в воскресенье седьмого ноября 1910 года Толстой скончался.

В работе над статьей я основательно использовал труд Элмера Мода «Жизнь Толстого» и его же перевод «Исповеди». У Мода преимущество над другими исследователями: он лично знал Толстого и его семью, и к тому же его книга легко читается. К сожалению, он рассказывает о себе и своих предпочтениях больше, чем обычно хотят знать читатели. Я также много почерпнул из полной, обстоятельной и убедительной биографии Толстого, написанной профессором Симмонсом. Там приводится много интересных фактов, которые Элмер Мод, по-видимому, из чистого благоразумия, опустил. Думаю, эта биография надолго останется лучшей биографией Толстого на английском языке.

Оноре де Бальзак и «Отец Горио»

Как я сказал в начале статьи о «Войне и мире», из всех великих романистов, внесших свою лепту в духовные сокровища человечества, Бальзак, на мой взгляд, величайший. Он гений. Есть писатели, которые прославились одной-двумя книгами; иногда потому, что из массы написанного ими только небольшая часть имеет непреходящую ценность; иногда потому, что вдохновение черпалось из необычного опыта или обуславливалось особенностями темперамента, что не способствовало созданию большого количества произведений. Они произнесли однажды все, что хотели сказать, и если продолжали писать, то повторялись. Плодовитость – достоинство в писателе, а плодовитость Бальзака поразительна. Его творчество охватывает все стороны жизни своего времени, все пространство своей страны. Он хорошо знает человека, но с некоторыми слоями общества знаком меньше, чем с другими: средний класс – доктора, юристы, клерки, журналисты, владельцы магазинов, сельские священники – ему ближе светского общества, круга городских рабочих или земледельцев. Как все романисты, порок он изображает с большим блеском, чем добро. Его наблюдения точны и обстоятельны. Изобретательность вызывает восхищение, а количество созданных персонажей ошеломляет.

Однако не думаю, что он был интересным человеком. В характерах его героев нет особой сложности, запутанных противоречий, утонченной изысканности. На самом деле он был обычным человеком, обладающим, однако, исключительной творческой мощью сродни природной – вроде бурной реки, которая, выйдя из берегов, сметает все на своем пути, или урагана, проносщегося по сельской местности или по улицам густонаселенных городов. При изображении общества его исключительный дар проявлялся в описании не только отношений между людьми – все романисты за исключением авторов чисто приключенческих романов это делают, – но и их связей с обществом, в котором они живут. Большинство писателей берут несколько персонажей, иногда не более двух-трех, и изображают их так, словно те отгорожены от жизни витриной. Это часто приводит к особой напряженности повествования, но, к сожалению, создает ощущение искусственности.

Люди живут не только своей жизнью, они участвуют в жизни других людей, в своей играют главную роль, в других – иногда значительную, а иногда совсем ничтожную. Идете вы, например, в парикмахерскую подстричься – для вас это рядовое событие, но оно может сыграть важную роль в жизни парикмахера. Понимая все это, Бальзак смог передать живое и волнующее впечатление от многообразия жизни, ее запутанности и противоречивости, показав отдаленные причины, приводящие к видимому результату. Я думаю, он первый романист, обративший внимание на влияние, какое экономика оказывает на жизнь каждого человека. Он не дошел до того, чтобы назвать деньги источником зла, считая, что страсть к деньгам, желание иметь их побуждает человека действовать. В его романах герои – один за другим – одержимы мыслью о деньгах, больших деньгах. Их цель – жить в роскоши, иметь красивые дома, превосходных лошадей, прекрасных женщин, и, чтобы получить это, для них хороши все средства. Вульгарная цель, но, думаю, в наши дни мало что изменилось.

Встретившись с Бальзаком, когда ему перевалило за тридцать – в то время он был уже успешным писателем, – вы увидели бы человека небольшого роста, начинавшего понемногу толстеть, с могучими плечами и широкой грудью, из-за них он не показался бы вам плюгавым; с бычьей шеей, белизна которой контрастировала с красным лицом и толстыми красными губами, так и стремящимися растянуться в улыбке. У него был крупный нос с широкими ноздрями, высокий лоб; густые, откиннутые назад черные волосы вызвали представление о гриве льва. Карие глаза с золотыми крапинками горели жизнью и светом, они притягивали к себе, и вы уже не замечали неправильности и грубоватости черт. Веселое, открытое и добродушное выражение лица. Энергия была в нем ключом, и даже простое пребывание рядом наполняло

бодростью. Затем вас могла поразить красота его рук. Он очень гордился ими – маленькими, белыми, мягкими, с розовыми ноготками, словно руки епископа. Вечером вы встретили бы его в синем пиджаке с позолоченными пуговицами, черных брюках, белом жилете, ажурных носках из черного шелка, кожаных лакированных туфлях, белоснежной рубашке и желтых перчатках. Зато днем вас поразили бы его потрепанный пиджак, заляпанные грязью брюки, нечищенные туфли и жуткая старая шляпа.

Современники дружно уверяют, что в то время Бальзак был наивным, ребячливым, добрым и общительным. Жорж Санд говорила, что он предельно искренний, вызывающе хвастливый, самоуверенный, экспансивный, очень добрый и совершенно сумасшедший, пьянеющий от воды, неудержимый в работе и равнодушный к другим страстям, обстоятельный и романтический, доверчивый и скептический, приводящий в замешательство и упрямый.

Подлинная фамилия писателя Бальса, его предки были крестьянами, но его отец, чиновник органов юстиции, после революции пошел в гору, сменив фамилию на более звучную – Бальзак. Он женился на наследнице, и в 1799 году в Туре, где получил должность управляющего больницей, у его жены родился сын Оноре, старший из четырех детей. Оноре, проучившись несколько лет в школе, где слыл плохим и ленивым учеником, поступил на работу в одну из юридических контор Парижа, куда переехала семья; три года спустя, после того как Оноре сдал необходимые экзамены, ему предложили всерьез заняться юриспруденцией, но тут он взбунтовался. Он хотел стать писателем. Домашние яростно противились этому желанию. В конце концов, несмотря на продолжающееся сопротивление матери, суровой, практичной женщины, которую сын никогда не любил, отец согласился дать ему шанс. Оноре предстояло жить одному на деньги, которых хватало лишь на самые скромные нужды, и попробовать чего-то добиться.

Первым делом он написал трагедию о Кромвеле и прочитал ее перед семьей. Все дружно решили, что она никуда не годится. Сочинение показали одному профессору, который вынес следующий вердикт: пусть автор займется чем-то другим – писать ему противопоказано. Злой и разочарованный, Бальзак решил: если уж ему не суждено стать трагическим поэтом, надо попробовать стать романистом, и действительно написал два или три романа под влиянием Вальтера Скотта, Анны Рэдклифф и Байрона. Однако родные пришли к заключению, что эксперимент не удался, и потребовали, чтобы он возвращался домой с первым же дилижансом. Отец к этому времени ушел на пенсию, и семья жила недалеко от Парижа в местечке под названием Вильпарисис. Товарищ Оноре, литературный поденщик, навестил его и уговорил написать еще что-нибудь. Оноре засел за работу и написал под разными псевдонимами несколько плохих романов – иногда один, иногда с соавторами. Неизвестно, сколько книг вышло из-под его пера в промежутке между 1821 и 1825 годами. Некоторые компетентные специалисты называют число пятьдесят. По большей части он писал исторические романы, ведь тогда в зените славы был Вальтер Скотт, и романы были явным подражанием ему. Они никуда не годились, но работа над ними принесла Бальзаку пользу, научив его не затягивать действие, удерживать читателя в постоянном напряжении и писать о том, что для людей особенно важно, – о любви, богатстве, чести и самой жизни. Возможно, он понял, что надо принимать во внимание и собственные склонности – писателя должны волновать земные страсти, тогда его хочется читать. Страсть может быть низменной, тривиальной или противоестественной, но если она достаточно сильна, в ней всегда будет некоторое величие. Живя в Вильпарисисе с семьей, Бальзак свел знакомство с соседкой, мадам де Берни, дочерью немецкого музыканта, служившего у Марии Антуанетты, и одной из ее камеристок. Ей было сорок пять лет. Ее болезненный муж отличался ворчливым характером. У нее было восемь детей от него и один ребенок от любовника. Она стала Бальзаку сначала другом, потом любовницей, их дружба продолжалась на протяжении четырнадцати лет до ее смерти. То была необычная связь. Он любил в ней женщину, но кроме того, испытывал чувства, которые никогда не питал к матери. Она стала ему не только

любовницей, но и преданным другом, чей совет, ободрение, помощь и бескорыстная любовь были всегда к его услугам. Однако об их скандальном романе узнали в поселке, и мадам Бальзак, естественно, не одобрила связь сына с женщиной, годившейся ему в матери. Кроме того, его сочинения приносили очень мало денег, и ее беспокоило его будущее. Один друг посоветовал Бальзаку заняться бизнесом, и эта мысль ему понравилась. Мадам де Берни вложила в дело сорок пять тысяч франков (девять тысяч долларов), теперь эта сумма была бы в три или четыре раза больше, и Бальзак, обзаведшись двумя партнерами, стал издателем и печатником. Но он не был бизнесменом и вел себя крайне экстравагантно, повесив на фирму свои личные расходы на портных, сапожников, ювелиров и даже прачек. В конце третьего года фирма разорилась, и матери пришлось заплатить кредиторам пятьдесят тысяч франков. Неудачный эксперимент, однако, расширил кругозор будущего романиста, внося множество специальной информации, что впоследствии так пригодилось в творчестве.

После банкротства Бальзак поехал к друзьям в Бретань, где собрал материал для романа «Шуаны», первого серьезного произведения, под которым он впервые поставил свое имя. Тогда ему было тридцать лет. С тех пор он постоянно работал в сумасшедшем темпе до самой смерти, пришедшей к нему через двадцать один год. Количество созданных им произведений – крупной и малой формы – поражает. Каждый год он писал по большому роману, а то и по два, не считая повестей и рассказов. Кроме того, его перу принадлежат несколько пьес, некоторые из них никогда не были поставлены, а те, что увидели сцену, провалились все, кроме одной. Какое-то время он выпускал газету, выходившую дважды в неделю, большинство материалов в нее писал сам.

Бальзак прекрасно владел стенографией. Куда бы он ни шел, с ним всегда была его записная книжка, и если он видел то, что могло пригодиться в работе, или если ему или кому-то другому приходила в голову интересная мысль, он заносил это в книжку. По возможности Бальзак посещал места действий своих книг, а иногда предпринимал основательные поездки, чтобы воочию увидеть улицу или дом, которые собирался описать. Полагаю, как и у всех романистов, его героям изначально были присущи черты знакомых людей, но в процессе работы его воображение трансформировало их настолько, что они становились исключительно его творениями. Он прилагал много усилий, чтобы дать подходящие имена своим героям, считая, что имя должно соответствовать характеру и всему облику персонажа, носящего его.

Когда Бальзак работал, он вел строгую и размеренную жизнь. Вскоре после ужина он ложился спать, но в час ночи его будил слуга. Бальзак вставал, надевал белоснежный, без единого пятнышка, халат, потому что был уверен, что работать нужно в чистой одежде, и затем при свечах, подстегивая себя крепким кофе, писал пером из крыла ворона. В семь утра он откладывал перо, принимал ванну и ложился. Между восьмью и девятью часами приезжал издатель, привозил корректуру или забирал готовый текст; после его отъезда Бальзак опять вставал и писал до полудня, потом ел вареные яйца, пил воду и снова взбадривал себя кофе; так он работал до шести вечера, времени легкого ужина с бокалом сухого «Вувре». Иногда его навещал кто-нибудь из друзей, но после короткой беседы писатель шел спать.

Бальзак не принадлежал к тем романистам, которые с самого начала знают, о чем будут писать. Предварительно он делал черновой набросок, переписывал и правил его, менял порядок глав, что-то выбрасывал, что-то вставлял, вносил изменения; наконец он отправлял типографщикам рукопись, в которой было трудно разобраться. Набранный текст ему возвращали, и он обращался с ним как с черновым наброском будущего сочинения, вставляя не только новые слова, но и предложения, целые абзацы и даже главы. Когда ему приносили набор с внесенными изменениями и исправлениями, он вновь его правил. Только после этого Бальзак давал согласие на публикацию при условии, что в последующих изданиях ему будет дано право редактировать и улучшать книгу. Конечно, все это требовало больших затрат, и у него были постоянные конфликты с издателями.

История взаимоотношений писателя с редакторами и издателями долгая, утомительная и неприятная, и я расскажу о ней как можно короче и только потому, что она оказала влияние на его жизнь и творчество. Бальзак был более чем безалаберен. Он мог взять аванс, пообещав сдать книгу к определенному сроку, а потом, соблазнившись быстрыми деньгами, перестать работать и начать спешно писать для другого редактора или издателя новый роман или повесть. Нарушение контракта приводило к штрафным санкциям, и размеры этих выплат увеличивали его и так огромные долги. Ведь как только к Бальзаку пришел успех, принесся договоры на книги, которые он обязался написать (некоторые так и не написал), он сразу же перебрался в просторную квартиру, обставил ее с шиком, купил кабриолет и пару лошадей. Он один из первых почувствовал страсть к оформлению интерьера, и описание его квартир дает представление как об их великолепии, так и об отсутствии вкуса у хозяина. Бальзак нанял грума, кухарку и слугу, купил одежду для себя и ливрею для грума, а также приобрел посуду, украсив ее гербом старинного рода Бальзаков, который ему не принадлежал. Желая заставить всех поверить в свое дворянское происхождение, писатель поставил перед фамилией частицу «де». Чтобы оплатить всю эту роскошь, он занимал деньги у сестры, друзей, издателей, подписывал векселя, выплаты по которым регулярно задерживал. Долги росли, а он продолжал скупать фарфор, шкатулки, мебель стиля буль с инкрустацией из бронзы, и перламутра, картины, статуи, драгоценности; у его книг были великолепные сафьяновые переплеты, а одну из многочисленных тростей украшала бирюза. Для одного званого обеда он приказал полностью поменять мебель в столовой и заново ее декорировать. Замечу мимоходом, что, находясь в одиночестве, он ел умеренно, но в компании был ненасытен. Один из его издателей уверял, что видел, как Бальзак за столом проглотил сотню устриц, двенадцать котлет, утку, пару куропаток, камбалу, множество десертов и дюжину груш. Неудивительно, что со временем он растолстел, а живот его стал просто огромен.

Временами, когда кредиторы слишком уж его допекали, многое из имущества приходилось закладывать; иногда приходили оценщики, выносили мебель и продавали ее на аукционах. Но ничто не могло его излечить. До конца жизни Бальзак продолжал тратить деньги с легкомысленной экстравагантностью. Он без зазрения совести занимал деньги, но восхищение его гениальностью было так велико, что друзья ему редко отказывали. Женщины, как правило, не так легко расстаются с деньгами, но Бальзаку они уступали. С деликатностью дела у него обстояли плохо, и похоже, он не испытывал никаких угрызений совести, забирая у них деньги.

Надо помнить, что мать пожертвовала часть своего небольшого состояния на спасение его от банкротства; приданое дочерей еще больше его сократило, и в конце концов у нее остался только дом, который она арендовала. Пришло время такой острой нужды, что она написала письмо сыну, которое Андре Билли цитирует в своей книге «Жизнь Бальзака»:

«Последнее письмо от тебя я получила в ноябре 1834 года. В нем ты соглашался с апреля 1835 года выдавать мне ежеквартально двести франков, что пошло бы частично на оплату ренты и горничной. Ты понимаешь, что я не могу жить как нищая: твое имя слишком известно, как и роскошь, в которой ты живешь, и разница в нашем положении всех шокирует. Как я понимаю, данное тобой обещание – признание своего долга. Сейчас апрель 1837 года, а это означает, что ты должен деньги за два года. Из этих 1600 франков ты дал мне в прошлом декабре 500, и выглядело это как оскорбительное подаяние. Оноре, эти два года были для меня сплошным кошмаром, траты были огромные. Не сомневаюсь, что ты не мог помочь, но в результате занятые деньги снизили стоимость дома; теперь у меня ничего нет, все ценности в ломбарде; словом, наступил момент, когда мне приходится просить: «Хлеба, сын». В течение нескольких недель я питалась тем, что привозил мне добрый зять, но, Оноре, так больше продолжаться не может: ведь у тебя есть средства на долгие и дорогие путешествия; из-за них твоя репутация будет под угрозой: ведь ты нарушаешь срок договоров. Когда я думаю обо всем этом, у меня разрывается сердце! Сын мой, ты можешь позволить себе... любовниц, трости с украшениями,

перстни, серебро, роскошную мебель, и потому мать, не боясь быть бестактной, просит тебя выполнить обещание. Она ждала до последнего момента, но вот он настал...» Бальзак ответил на письмо: «Думаю, тебе лучше приехать в Париж и часок поговорить со мной».

Что нам на это сказать? Его биограф пишет: гении живут по своим правилам, и нельзя судить Бальзака по обычным меркам. Но у каждого свой взгляд. Мне кажется, правильнее признать, что он чудовищный эгоист, неразборчивый в средствах и не слишком честный. Некоторым оправданием его непорядочности в денежном вопросе может служить то, что он со своим бодрым, жизнерадостным темпераментом никогда не сомневался, что его сочинения принесут ему много денег (какое-то время так и было); сказочных доходов он ждал и от спекуляций, в которые его втягивало необузданное воображение. Но всякий раз, когда он принимал в них участие, результат был плачевен, а долги только увеличивались. Однако будь он благоразумным, практичным и бережливым, ему бы никогда не стать именно таким писателем. Он был хвастлив, обожал роскошь и бросал деньги на ветер. Работал как негр, чтобы выполнить свои обязательства, но, к несчастью, рассчитавшись с неотложными долгами, сразу влезал в новые. Стоит упомянуть одну любопытную вещь. Он мог писать только под нажимом кредиторов. Тогда он работал до изнеможения, и именно в таких тяжелых обстоятельствах создал несколько лучших романов; когда же случалось чудо и он не находился в стесненном финансовом положении – его оставляли в покое кредиторы, не тревожили редакторы и издатели, – тогда, казалось, воображение покидало его, и он не мог заставить себя взять в руки перо.

Литературный успех, как это обычно бывает, принес Бальзаку много новых друзей, а неисчерпаемая жизнерадостность, блистательный юмор сделали его желанным гостем в лучших домах Парижа. Его слава покорила великосветскую даму, маркизу де Кастри, дочь одного герцога и племянницу другого, бывшего прямым потомком английского короля Якова Второго. Она написала Бальзаку письмо под вымышленным именем, он ответил, в следующем письме она открыла свое подлинное имя. Он пришел к ней с визитом, со временем они стали близкими друзьями, и он навещал ее каждый день. Она была нежной блондинкой, похожей на цветок. Бальзак влюбился в нее, она позволяла ему целовать свои аристократические руки, но дальше этого не шло. Он душился, каждый день надевал новые желтые перчатки – все бесполезно. Он стал нетерпеливым и раздражительным, подозревая, что маркиза играет с ним. Было очевидно, что она нуждалась в поклоннике, а не в возлюбленном. Ей льстило, что у ее ног был умный, уже знаменитый молодой человек, однако становиться его любовницей не собиралась. Развязка наступила в Женеве, которую они посетили в сопровождении ее дяди герцога Фитц-Джеймса на пути в Италию. Бальзак и маркиза отправились на экскурсию, откуда писатель вернулся с глазами, полными слез. Можно предположить, что Бальзак решительно объяснился с маркизой, а она отвергла чувства влюбленного в оскорбительной для его гордости форме. Уязвленный и злой Бальзак вернулся в Париж, чувствуя, что его подло использовали. Но как настоящий писатель, он находил применение каждому опыту, даже самому унижительному: в будущем маркизе де Кастри предстояло быть прототипом бездушной великосветской кокетки.

Еще во время бесперспективного ухаживания за дамой из высшего общества Бальзак получил письмо из Одессы за подписью: *L'Etangere*¹¹. После разрыва с маркизой пришло второе письмо, подписанное так же. Писатель поместил объявление в единственную газету, которая продавалась в России: «М. де Б. получил адресованное ему сообщение; только сейчас ему удалось с помощью газеты подтвердить получение, и он сожалеет, что не знает, по какому адресу послать ответ». Письмо написала Эвелина Ганская, польская высокородная дворянка, обладательница несметного богатства. Тридцатидвухлетняя дама была замужем за человеком много старше ее. Она родила пятерых детей, но выжила только одна девочка. Объявление Бальзака

¹¹ Иностранка (фр.).

попалось ей на глаза, и она договорилась, чтобы его письма приходили на адрес одесского книгопродавца. Завязалась переписка.

Так началась самая большая любовь Бальзака.

Их письма становились все более личными. В манере того времени, склонной к сильным преувеличениям, Бальзак открыл польской аристократке свое сердце, вызвав у нее сочувствие и жалость. Этой романтической особе наскучила монотонная семейная жизнь в большом замке на Украине, окруженном пятьюдесятью тысячами акров равнинных земель. Она восхищалась автором, он интересовал ее и как человек. Около двух лет они обменивались письмами, но потом Ганская с больным мужем, дочерью, гувернанткой и свитой слуг поехала в Невшатель в Швейцарию, куда пригласила и Бальзака. Существует романтическая, но не подкрепленная доказательствами легенда об их первой встрече. Бальзак гулял в парке, когда увидел сидевшую на скамейке даму с книгой в руках. Она уронила платок, и, поднимая его, писатель заметил, что дама читает его роман. Он заговорил с ней. Оказалось, что это именно та женщина, на встречу с которой он приехал. В те годы она была статной и очаровательной, с прекрасными, чуть косящими глазами, великолепными волосами и красиво очерченным ртом. Вначале ее, должно быть, поразил его вид: выходило, что лирические, страстные письма писал толстый мужчина с красным лицом, больше похожий на мясника, чем на поэта; но, если так и было, блеск его глаз с золотистыми крапинками, бьющая через край жизнерадостность заставили забыть первое впечатление, и вскоре он стал ее любовником. Спустя несколько недель он был вынужден вернуться в Париж, однако любовники договорились вновь встретиться в Женеве в начале зимы. На Рождество Бальзак приехал в Женеву и провел там шесть недель, написав за это время «Герцогиню де Ланже», где отомстил мадам де Кастри за унижение и страдание, которые она ему принесла.

Вернувшись в Париж, он познакомился с графиней Гвидобони-Висконти, белокурой, чувственной англичанкой, постоянно изменявшей своему легковверному мужу, и она моментально очаровала влюбчивого писателя. Слухи об их романе проникли на первые страницы газет, и мадам Ганская, жившая тогда в Вене, узнала, что любовник ей неверен. Она написала ему письмо, полное горьких упреков, и объявила, что возвращается на Украину. Это был удар. Бальзак рассчитывал жениться на Ганской после смерти мужа, полагая, что это событие не за горами, и вступить во владение ее состоянием. Заняв две тысячи франков, он поспешил в Вену для примирения. Он путешествовал под именем маркиза де Бальзака с гербами на багаже и личным слугой, что увеличило расходы, так как человеку в его положении было не к лицу торговаться в гостиницах и чаевые следовало давать в соответствии с заявленным рангом. В Париж он вернулся с пустыми карманами. Мадам Ганская осыпала его упреками, и Бальзаку пришлось наврать с три короба, чтобы усыпить ее подозрения. Через три недели она отбыла на Украину, и вновь они встретились только восемь лет спустя.

В Париже Бальзак возобновил отношения с графиней Гвидобони. Из-за нее он совершал еще более экстравагантные поступки, чем обычно. Его арестовали за долги, и графиня заплатила значительную сумму, чтобы его не посадили в тюрьму. Когда он попадал в тяжелое финансовое положение, она не раз приходила ему на помощь. В 1836 году, к величайшему горю Бальзака, скончалась его первая любовница, мадам де Берни, о ней он сказал, что она единственная женщина, которую он по-настоящему любил; злые языки переиначили эти слова, говоря, что она единственная женщина, любившая *его*.

В том же году белокурая графиня сообщила Бальзаку, что ждет от него ребенка. После рождения малыша снисходительный муж графини заметил: «Я знал, что жена хочет темноволосого ребенка. Вот она и получила желаемое». Мимоходом отметим, что в результате любовных историй великого романиста на свет появились от разных матерей три девочки и один мальчик. Похоже, он не проявлял к ним особого интереса. Из остальных его романов выделю один – с вдовой Элен де Валет, потому что он начался так же, как отношения с маркизой де

Кастри и мадам Ганской – с письма поклонницы. Забавно, что три из пяти его самых серьезных любовных историй завязались подобным образом. Может, именно поэтому они оказались неудачными. Когда женщину привлекает знаменитый мужчина, она слишком много думает о том влиянии, какое обретет в знакомстве с ним, в этом нет благословенного бескорыстия истинной любви. Такая женщина – своего рода эксгибиционистка, не упускающая шанса удовлетворить свой инстинкт. Связь с Элен де Валет была недолгой и, видимо, пришла к концу из-за ссоры по поводу десяти тысяч франков, которые Бальзак у нее занял.

Но вот наступил долгожданный момент. В 1842 году умер господин Ганский. Мечты Бальзака должны были, наконец, сбыться. Теперь он будет богат. И разделается со своими незначительными буржуазными долгами. Но за письмом, в котором Эвелина писала о смерти мужа, последовало другое, где она сообщала, что не выйдет за него замуж. Она не могла простить ему измены, экстравагантные выходки, долги. Бальзак впал в отчаяние. В Вене она сказала, что не ждет от него физической верности, главное, чтобы сердце принадлежало ей. Но оно всегда было ее. Его возмутила такая несправедливость. Он пришел к выводу, что только личная встреча поможет вернуть любимую, и потому после напряженной переписки, невзирая на сопротивление Ганской, отправился в Санкт-Петербург, где в то время находилась она. Его расчет оказался верен; оба растолстели и состарились, ему было сорок три, ей сорок два, но, находясь рядом, она не смогла ему отказать. Они вновь стали любовниками, и вновь она обещала стать его женой. Но свое обещание она сдержала через семь лет. Биографы недоумевают, почему она так долго тянула, но причины этого ясны. Аристократка Ганская, гордая своим высоким происхождением, видела большую разницу между положением любовницы прославленного писателя и женой вульгарного выскочки. Семья, должно быть, сделала все, чтобы убедить ее не заключать такой неравный брак. У Ганской была дочь на выданье, которую следовало выдать замуж в соответствии с ее социальным и материальным положением. Бальзак был известный транжира, и Ганская боялась, что он пустит ее состояние на ветер. Ему всегда были нужны ее деньги. Он не просто запускал руку в кошелек, он выворачивал его наизнанку. Она была богата и тоже отличалась экстравагантностью, но одно дело тратить деньги на свои удовольствия, а другое – позволить кому-то еще ими пользоваться.

Удивительно не то, что Эвелина Ганская не торопилась выйти замуж за Бальзака, а то, что она все-таки на это решилась. В течение этих семи лет они несколько раз виделись, и в одну из встреч она забеременела. Бальзак был вне себя от радости. Ему казалось, что наступила долгожданная победа, он настаивал на немедленном браке; но Ганская, не желавшая выходить замуж только в силу обстоятельств, написала Бальзаку, что после родов намерена вернуться на Украину, где жизнь экономнее, и выйдет за него замуж позже. Ребенок родился мертвый. Это случилось в 1845-м или 1846 году. Замуж за Бальзака она вышла в 1850 году. Он провел зиму с ней на Украине, там и прошла брачная церемония.

Почему она все-таки уступила? Долгий каторжный труд в конце концов расшатал его могучий организм, здоровье Бальзака истощалось. Зимой он очень болел, и хотя он выздоровел, было видно, что жить ему осталось недолго. Возможно, ей стало жаль умирающего, который, несмотря на свои измены, любил ее так долго и преданно; а возможно, ее духовник – ведь она была набожная христианка – посоветовал привести в порядок эти нетрадиционные отношения. Как бы то ни было, она вышла за него замуж, и они уехали в Париж, где на деньги жены Бальзак купил и роскошно обставил большой дом. Но Ганская уже не была богатой женщиной. Она передала свое огромное состояние дочери, оставив себе скромную ежегодную ренту. Если Бальзак и был разочарован, он не показывал виду. Печально знать, что после всех напряженных ожиданий, когда наконец его надежды сбылись, брак оказался неудачным. Эвелина не сделала его счастливым. Бальзак вновь заболел, и на этот раз не выздоровел. 17 августа 1850 года он умер. Эвелина была убита горем, она писала в письме к подруге, что хочет лишь одного – поскорее присоединиться к мужу; однако она быстро утешилась, став любовницей художника

Жана Жигу по прозвищу Пу-Гри (Серая Вошь), получившего такое прозвище из-за крайней уродливости. Художник он был, похоже, никакой.

Нелегко из громадного наследия Бальзака выбрать роман, который давал бы наиболее полное представление о его творчестве. Почти во всех романах есть по меньшей мере два или три характера, которые одержимы простыми, примитивными страстями и потому написаны особенно ярко. Именно в изображении таких героев видна его творческая мощь – более сложные характеры удавались ему хуже. Почти везде есть очень сильные сцены, а в некоторых романах – потрясающие истории. «Отца Горио» я выбрал по нескольким причинам. Рассказанная там история не теряет своего интереса на протяжении всего романа. В некоторых романах Бальзак прерывает повествование, отвлекаясь на темы, не относящиеся к делу, чего нет в «Отце Горио». Персонажи сами говорят о себе словами и поступками – объективно, в соответствии с собственными характерами. Хороша композиция «Отца Горио» с удачно переплетенными двумя линиями: самоотверженной любовью старика к неблагодарным дочерям и первыми шагами честолюбивого Растиньяка в многолюдном, развращенном Париже. Роман интересен еще и тем, что в нем Бальзак впервые прибегнул к приему использования повторяющихся персонажей. Трудность приема заключается в том, что нужно создать такие интересные характеры, о которых хочется знать больше. На этом пути Бальзака ждала удача; что до меня, то я читаю с особым интересом те романы, в которых узнаю, что происходит с рядом персонажей – например, с Растиньяком, чье будущее меня заинтересовало. Прием полезен и тем, что не нужно постоянно изобретать новых героев, хотя не думаю, что Бальзак с его неистощимым воображением прибегнул к нему по этой причине. Мне кажется, он считал, что так повествование становится правдоподобнее: ведь в жизни у каждого существуют постоянные контакты с достаточным количеством одних и тех же людей; и более того, я полагаю, его основной целью было придать своей работе цельный характер. Его задачей было не изображение группы людей, определенного круга, класса или даже общества, но изображение эпохи и цивилизации. Он разделял заблуждение многих соотечественников, что Франция, какие бы бедствия на нее ни обрушивались, всегда оставалась центром человечества; но, возможно, именно поэтому у него хватило самоуверенности создать многоцветный, разнообразный и объемный мир и силы наделять его убедительным биением жизни.

Но это относится в основном к «Человеческой комедии». Здесь же мы говорим лишь об «Отце Горио». Думаю, Бальзак – первый писатель, выбравший для действия романа пансион. После него этот прием использовался многократно: автору удобно собрать в одном месте разных персонажей с разными проблемами, но не думаю, чтобы кто-нибудь добился большего эффекта, чем Бальзак в «Отце Горио».

Бальзак медленно разворачивал действие своих романов. Обычно он детально воспроизводил место события. Описания явно доставляли ему удовольствие, и потому он часто говорит больше, чем вы хотите знать. Он так и не научился искусству говорить только необходимое, избегая лишнего. Потом он рассказывал вам, как выглядят его герои, какой у них характер, происхождение, привычки, мысли и недостатки; и только после этого приступал к самой истории. Персонажи находятся под влиянием его пылкого темперамента, их сущность не совсем подлинная; они написаны в контрастных основных тонах – ярких и иногда приукрашенных, – они интереснее обычных людей, но они живут и дышат, и вы верите им потому, что им истово верит сам Бальзак. В нескольких его романах упоминается умный и честный врач Бьяншон; находясь при смерти, Бальзак говорил: «Пошлите за Бьяншоном. Он меня вылечит».

«Отец Горио» достоин внимания еще и потому, что в нем впервые появляется Вотрен – один из самых захватывающих персонажей романов Бальзака. Герой подобного типа описывался в литературе тысячу раз, но никогда так ярко и живо, так убедительно и правдоподобно. Вотрен наделен острым умом, сильной волей и потрясающей энергией. Стоит обратить внимание, как искусно Бальзаку, не раскрывающему секрет до конца книги, удается внушить

читателю, что в этом персонаже есть нечто зловещее. Вотрен общительный, щедрый и добродушный; он сильный, пронизательный, сдержанный; вы не только восхищаетесь, но и симпатизируете ему, однако есть в нем что-то странное и пугающее. Он завораживает вас, как и Растиньяка, честолюбивого и родовитого молодого человека, приехавшего покорить Париж, хотя в его обществе вы, как и Растиньяк, чувствуете инстинктивное беспокойство. Возможно, Вотрен – фигура мелодраматическая, и тем не менее это замечательный образ.

По общему мнению, Бальзак писал плохо. Он был вульгарным человеком (но разве вульгарность не составная часть его гениальности?), и проза его вульгарна. Она многословна, претенциозна и часто неправильна. Эмиль Факе, выдающийся критик, в своей книге о Бальзаке посвящает целую главу погрешностям писателя во вкусе, стиле, синтаксисе и лексике. Действительно, некоторые из них так бросаются в глаза, что их замечаешь даже без глубокого знания французского. Они просто ужасны. Хотя надо признать, что Чарлз Диккенс неважно писал на английском, а образованные русские говорили мне, что Толстой и Достоевский тоже весьма посредственно писали на родном языке. Странно, что четыре величайших писателя так плохо справлялись с родным языком. Похоже, хорошее знание языка не является главным в писательской мастерской, уступая первенство силе и энергии, воображению, творческой мощи, наблюдательности, знанию человеческой природы, интересу и любви к ней, продуктивности и интеллекту. И все же лучше писать хорошо, чем плохо.

Генри Филдинг и «Том Джонс»

О Генри Филдинге писать трудно: о нем очень мало известно. Артур Мерфи, написавший в 1762 году, всего через восемь лет после смерти писателя, краткий очерк его жизни, ставший предисловием к собранию его сочинений, был, судя по всему, лично с ним не знаком, и чтобы как-то заполнить восемьдесят страниц эссе, он из-за недостатка материала пускался в долгие и нудные отступления. Он приводит небольшое количество фактического материала, но последующие изыскания показали, что они неточны. Те, кто писал о нем позже, приложили много усилий, чтобы показать: легенда о том, что Филдинг был беспутным повесой, не соответствует истине, но, к сожалению, представив его респектабельным джентльменом, они лишили его обаяния. Критики неодобрительно отнеслись к тому факту, что Филдинг был жизнерадостным, страстным по натуре человеком. Однако не стоит ожидать, что писатель, чьи книги приводят вас в восторг, обязан быть образцом нравственности. Высокие моральные качества не делают его книги ни лучше, ни хуже. Их тема – сама жизнь, и чтобы писать о ней честно, писатель должен принять участие во всех ее превратностях: он не много узнает, если станет изучать жизнь через замочную скважину. На самом деле нет нужды оправдывать Филдинга: его проступки человечески очень понятны и могут шокировать только чопорного, глупого ханжу.

Филдинг родился в дворянской семье. Его отец, армейский офицер, дослужившийся до генерала, был третьим сыном Джона Филдинга, каноника главного собора в Солсбери, который, в свою очередь, происходил от пятого сына графа Десмонда. Десмонды были младшей ветвью рода Денби, члены которого льстили себя надеждой, что их род ведет начало от Габсбургов. Гиббон¹², автор «Истории упадка и разрушения Римской империи», писал в автобиографии: «Потомки Карла V могут отказаться от своих английских братьев, однако роман «Том Джонс», эта великолепная картина человеческих нравов, переживет и Эскориал¹³, и имперского орла Австрийского Дома». Замечательные слова, и жаль, что, как оказалось, претензии благородных лордов не имели под собой основания. Свою фамилию они писали как Feilding¹⁴, и я где-то читал, что однажды тот представитель семейства, что был тогда графом, спросил у Генри Филдинга, как это могло случиться, на что он ответил: «Могу только предположить, что моя ветвь рода научилась писать раньше вашего».

Отец Филдинга женился на Саре, дочери сэра Генри Гулда, судьи при Суде королевской скамьи¹⁵, и в его поместье наш автор родился в 1707 году. Спустя три года Филдинги, у которых к этому времени, помимо Генри, родились еще две дочери, переехали в Ист-Стаур в Дорсетшире, где семейство увеличилось еще на трех девочек и мальчика. Миссис Филдинг умерла в 1718 году, приблизительно в это время Генри поступил в Итонский колледж. Здесь Филдинг завязал полезные знакомства, и если он, как пишет Артур Мерфи, «не вышел оттуда юным знатоком греческих авторов и латинских классиков», однако узнал достаточно, чтобы впоследствии украшать свою прозу учеными цитатами. В восемнадцать лет, когда Филдинг, предположительно, закончил учебу, уже было видно, что из него выйдет. Случилось так, что он оказался в Лайм-Ред-жисе с преданным слугой, готовым за хозяина кого хочешь «поколотить, искалечить или убить», и там влюбился в Сару Эндрюс, чье внушительное состояние добавляло шарма ее красоте. Филдинг составил план ее покорения – если потребует, насильственного, – с последующей свадьбой. Заговор был раскрыт, девушку поспешно увезли куда подальше и благополучно выдали замуж за более подходящего претендента.

¹² Эдуард Гиббон (1737–1794) – английский историк.

¹³ Эскориал – монастырь и дворец неподалеку от Мадрида, построен в конце XVI века.

¹⁴ Фамилия Генри Филдинга писалась Fielding.

¹⁵ Суд королевской скамьи – отделение Высокого суда Англии и Уэльса в период правления короля.

Шел 1725 год. Филдинг имел привлекательную внешность, рост более шести футов, он был сильным и подвижным, с глубоко посаженными темными глазами, римским носом, иронически вздернутой короткой верхней губой и упрямо выступающим вперед подбородком. Крепкий и активный, он не знал удержу в наслаждениях, а его конституция позволяла ему предаваться излишествам. Как бы то ни было, следующие два или три года он провел в Лондоне, участвуя в городских развлечениях с таким азартом, какой только может себе позволить молодой человек из хорошей семьи с привлекательной наружностью и очаровательными манерами. В 1728 году Филдинг написал пьесу под названием «Любовь в семи сценках». Ее хорошо приняли. Можно представить, какие аргументы привел отец, чтобы убедить сына в том, что зарабатывать на жизнь надо не таким сомнительным образом, как сочинительство пьес, после чего тот поступил в Лейденский университет на юридический факультет. Но тут отец женился второй раз и то ли не захотел, то ли не смог продолжать платить за обучение, как обещал. Филдинг был вынужден вернуться в Англию. Он находился в таких стесненных обстоятельствах, что, как он беспечно признавал, у него не было выбора: надо было или наняться кучером, или пойти в сочинители.

Остин Добсон, написавший его биографию для справочника «Английские писатели», утверждает: «личные склонности и стечение обстоятельств – все вело его к сцене». У него был веселый нрав, чувство юмора, остроумные наблюдения из современной жизни, так нужные драматургу, а еще изобретательность и чувство формы. «Склонности», о которых говорит Остин Добсон, скорее всего означают экстравагантное поведение, отличавшее драматурга, и то, что он смотрел на сочинение пьес как на легкий способ заработать деньги; а «стечение обстоятельств» – деликатный намек на его красоту, жизнерадостность и на то, что он покорило воображение одной известной актрисы. Между 1730 и 1736 годами он писал ежегодно по две-три пьесы – фарсы или комедии. Последние две обличали политическую коррупцию того времени, и критика оказалась настолько острой, что послужила причиной принятия правительством лицензионного закона, обязывавшего хозяина театра получать у лорда-гофмейстера разрешение на постановку пьесы. Закон до сих пор действует на нервы английским драматургам. После этого Филдинг редко писал для театра и делал это только в том случае, если сильно нуждался.

Не стану притворяться, что внимательно читал его пьесы, но все же бегло их пролистал – диалог естественный и живой. Больше всего меня рассмешило описание одного персонажа; согласно правилам того времени, он дает его в списке действующих лиц в пьесе «Великий Мальчик-с-пальчик»: «женщина совершенно безупречная, если не считать того, что она изредка прикладывается к бутылке».

Обычно к пьесам Филдинга относятся снисходительно, и действительно, в них нет тех литературных достоинств, какие хотел бы видеть критик, читающий эти пьесы в своем кабинете двести лет спустя после написания. Но пьесы пишутся для того, чтобы их играли, а не читали; замечательно, конечно, если они обладают еще и литературным блеском, но не это делает их хорошими пьесами – напротив, может (часто так и бывает) даже помешать. Пьесы Филдинга утратили к нашему времени те замечательные качества, какие у них были, как бы то ни было, драма особенно зависит от реального времени, она почти так же недолговечна, как газета; но в свое время они, несомненно, были: ведь ни желание молодого человека писать пьесы, ни настойчивость ведущей актрисы не вынудят руководителей театра ставить пьесу за пьесой некоего автора, если она не доставляет удовольствие зрителям. Тут главный судья – публика. Если хозяин не подстроится под ее вкусы, он разорится. Достоинства пьес Филдинга хотя бы в том, что зрители на них ходили. Сам Филдинг не заблуждался относительно их ценности и заявил, что прекращает писать для сцены в то время, когда ему стоило как раз начать. Он писал ради денег и не очень-то заботился, что поймет или не поймет публика. «Когда он заключал договор на написание пьесы или фарса, – пишет Мерфи, – то, по словам многих еще

живущих его друзей, возвращался из таверны довольно поздно и на следующее утро вручал актерам кусок текста, написанный на бумаге, в которую закручивал любимый табак».

Мерфи приводит еще один очаровательный анекдот, показывающий отношение Филдинга к публике. Во время репетиций комедии «День свадьбы» игравшему в ней Гаррику¹⁶ не понравилась одна сцена, и он попросил Филдинга ее удалить. «Нет, черт подери, – ответил Филдинг, – если она плоха, пусть сами разберутся». Когда эта сцена игралась, зрительный зал громко выразил свое неодобрение; вернувшись в артистическое фойе, Гаррик застал там драматурга, который «потворствовал своему авторскому самолюбию, утешаясь шампанским. Он был основательно пьян и, подмигнув актеру, спросил, выпустив изо рта кольцо дыма: «Что там стряслось, Гаррик? Чего это они шикают?»

– Все из-за сцены, которую я просил вас убрать; было ясно, что она не пройдет. Они так меня напугали, что я ночь спать не буду.

– Да успокойся ты, – была реакция автора. – Главное – они разобрались, что к чему».

Если я останавливаюсь подробно на том, что было, в сущности, лишь эпизодом в карьере Филдинга, то только потому, что сочинение пьес сыграло роль в его становлении как романиста. Многие выдающиеся романисты пробовали писать пьесы, но мне трудно вспомнить, кому это удавалось. Дело в том, что техника письма в этих жанрах абсолютно разная, и владение прозой совсем не помогает в драматургической работе. У романиста сколько угодно времени для развития своей темы, он может, как хочет подробно, описывать персонажей и, передавая побуждения последних, делать для читателя понятным их поведение. Если он опытный мастер, то сумеет сделать невероятное правдоподобным; если у него дар рассказчика, он может постепенно достичь кульминации, которая из-за долгого подступа к ней станет еще выразительнее; ему не нужно изображать действие – достаточно лишь писать о нем; он может позволить персонажам рассказывать о себе в диалоге, растянув его на столько страниц, на сколько захочет. Но в пьесе главное – действие, под которым я не подразумеваю такие ужасные события, как падение в пропасть или подрыв на mine; передача стакана воды другому человеку может быть полна подлинного драматического напряжения. Власть над вниманием публики очень ограничена: действие следует заполнять непрерывной чередой событий, постоянно должно происходить что-то неожиданное; тему нужно заявить с самого начала, и ее развитие должно совершаться поступательно – без рывков и неуместных уходов в сторону; диалогу следует быть ясным и лаконичным – слушатель должен сразу понимать смысл реплики, а не терять время на раздумья; персонажи должны быть цельными и понятными, а сложность некоторых характеров необходимо мотивировать. В пьесе невозможны недомолвки; даже у самой легкой комедии должна быть крепкая основа и прочная композиция.

Когда драматург, применяющий на практике все эти принципы – без которых, по моему убеждению, не обойтись, если хочешь написать пьесу, которую зрители будут смотреть с удовольствием, – начинает писать романы, он обладает рядом преимуществ. Он уже научился писать кратко, ценить острые моменты, не затягивать действие, помнить о главном и вести основной сюжет; его персонажи сами рассказывают о себе словами и действиями без помощи описаний; так что, когда он начинает писать на большом полотне, что позволяет форма романа, он не только пользуется этим преимуществом – драматургический опыт дает ему возможность придать роману живость, стремительность развития и драматизм. Это великолепные качества, и не все хорошие романисты обладают ими. Поэтому я не считаю годы, проведенные Филдингом за сочинением пьес, потраченными зря; напротив, полагаю, что приобретенный опыт сослужил ему бесценную службу, когда он перешел к созданию романов.

Еще работая в театре, Филдинг женился на Шарлотте Крэдок, одной из трех сестер, живших в Солс бери; о ней ничего не известно, кроме того, что она была красива и мила. Филдинг

¹⁶ Дэвид Гаррик (1717–1779) – известный английский актер и драматург.

изобразил ее как Софью, так что читатель «Тома Джонса» может получить точное представление, какой она виделась возлюбленному и мужу. Мужем Филдинг был нежным и страстным, хотя, учитывая его темперамент, возможно, не слишком верным. Без сомнения, он сокрушался из-за своих измен, но это не мешало ему влюбляться в каждую хорошенькую женщину. Женитьба на Шарлотте Крэдок принесла ему 1500 фунтов. Согласно одним источникам – как приданое, согласно другим – как наследство. В любом случае после перемен в театре он, имея деньги, поселился в небольшом имении в Ист-Стаур, где, как свидетельствует Артур Мерфи, держал открытый дом, свору собак и большой штат прислуги в «дорогих желтых ливреях». Более поздние биографы приложили немало усилий, чтобы доказать, насколько этот рассказ преувеличен, но одно точно: к 1736 году, через два года после заключения брака, деньги закончились, и Филдинг вернулся в Лондон, чтобы писать пьесы и руководить театром «Хеймаркет»¹⁷.

Когда год спустя утвердили Лицензионный закон, положивший конец его начинаниям, он остался с женой и сыном на руках и небольшими накоплениями. Нужно было искать новый источник дохода. Филдинг поступил в «Мидл Темпл»¹⁸ и, хотя «к нему иногда возвращалась прежняя тяга к удовольствиям и, подкрепляемая веселым характером и живостью натуры, вовлекала его в безудержные городские развлечения», он вскоре приступил к обязанностям адвоката. Филдинг старательно исполнял свои обязанности, но разгульная юность подкосила его здоровье, и он, как и многие в то время, страдал от подагры. Из-за болезни он мог работать в суде только время от времени. И Филдинг вновь взялся за перо. Он писал политические трактаты, пьесы – немного, одну или две, и статьи для газеты «Чемпион». В 1742 году был создан «Джозеф Эндрус»¹⁹. Это первый опубликованный роман Филдинга, хотя первым написанным считается «Джонатан Уайльд»²⁰. В мои планы не входит анализ всей литературной деятельности писателя – разве только в контексте того небольшого, что известно о его жизни. Вскоре после выхода в свет «Джозефа Эндруса» его красавица жена умерла от лихорадки: она скончалась на руках у потрясенного горем Филдинга. За последующие несколько лет он не создал ничего значительного.

Филдинг писал для двух правительственных газет: «Тру патриот» и «Якобитс джорнал», когда же они прекратили существование, ему назначили пенсию. Но при своей расточительности и природной экстравагантности, Филдинг по-прежнему пребывал в стесненных обстоятельствах. Вот одна из типичных историй, рассказанных о нем: чтобы заплатить налог, он уговорил издателя Эндрю Миллера выдать ему аванс, но, возвращаясь домой, встретил друга, который был в еще более худшем финансовом положении, и Филдинг отдал ему последние деньги. Когда сборщик налогов пришел за долгом, хозяин попросил его передать: «Дружба потребовала денег и получила их, пусть инспектор придет в другой раз».

После смерти жены прошло четыре года, и Филдинг женился на ее прислуге, Мери Дэниел. Это шокировало друзей, а кузина, леди Мери Уортли-Монтагю, писательница, отнеслась к событию с надменной презрительностью: ведь он «переживал восторги любви с кухаркой». Новобрачная не блистала красотой, но обладала хорошим характером, и муж всегда говорил о ней с любовью и уважением. Вторая миссис Филдинг отличалась благопристойностью, она хорошо ухаживала за мужем, а он как раз и нуждался в преданной жене и матери. Она родила ему двух сыновей и дочь.

¹⁷ Театр «Хеймаркет» – название происходит от улицы в центральной части Лондона, где он и находится. Раньше на этом месте был сенной рынок.

¹⁸ «Миддл Темпл» – одна из четырех английских школ подготовки барристеров (адвокатов, имеющих право выступать в высших судах).

¹⁹ Полное название – «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса».

²⁰ Полное название – «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого».

Среди друзей Филдинга по Итону, с которыми он поддерживал отношения, был Джордж Литтлтон, член знаменитой политической династии (известной по сей день) и щедрый покровитель литературы. С 1744 по 1754 год он был лордом казначейства, и в 1748 году ему удалось сделать Филдинга мировым судьей в Вестминстере. Тот соответствовал этому посту и юридической подготовкой, и знанием жизни, и талантами и хорошо справлялся со своими обязанностями. Вскоре Филдинга избрали Председателем квартальных сессий, и он упрочил свое положение на Боу-стрит²¹. По словам Филдинга, до него это место приносило 500 фунтов вместе с нелегальными доходами, ему же оно давало не больше 300, но зато он не нарушал закон. В 1749 году был опубликован «Том Джонс», за которого автору заплатили 700 фунтов. Деньги в то время были дороже нынешних в четыре – шесть раз, так что полученная сумма колебалась от 3000 до 4000 фунтов²². Такой гонорар удовлетворил бы и нынешнего романиста.

Однако здоровье Филдинга ухудшалось. Участились приступы подагры, и ему для восстановления сил приходилось часто ездить в Бат или в свой коттедж под Лондоном. Но писать он не перестал. Из-под его пера выходили памфлеты, имевшие отношение к его работе, считается, что один – «Расследование причин недавних угроз грабителей» – помог отмене грабительского Спиртового закона²³; тогда же он написал «Амелию», прототипом героини была все та же незабвенная Шарлотта. Это произошло в 1752 году, в том же году у него хватило энергии установить творческий контакт с третьей газетой – «Ковент-Гарден джорнал», который длился девять месяцев. Здоровье писателя становилось все хуже, и в 1754 году, покончив с «бандой головорезов и убийц», терроризировавших весь Лондон, он передал свою должность сводному брату Джону Филдингу. Казалось, единственной надеждой на выздоровление для него был переезд в теплый климат, и потому в июне того же 1754 года Филдинг покинул родину и направился в Лиссабон на «Королеве Португалии», хозяином которой был Ричард Вил. В августе он прибыл на место и спустя два месяца умер. Его похоронили на Английском кладбище Лиссабона.

Когда я думаю о жизни Филдинга, то, даже располагая недостаточным материалом, кратко представленным здесь, не могу отделаться от одного чувства. Он был мужчиной. Любил выпить, в нем было нечто от игрока, ему нравились женщины. Когда говорят о добродетели, почти всегда имеют в виду отношение к противоположному полу, но целомудрие – только небольшая ее часть и, возможно, не самая главная. Филдинг был человеком сильных страстей и без колебания уступал им. Он был способен и на глубокое чувство. Любовь – не привязанность – основана на сексуальном влечении, но может быть сексуальное желание и без любви. Отрицать это – лицемерие или невежество. Сексуальное желание – животный инстинкт, в нем нет ничего постыдного, как нет ничего постыдного в чувстве голода или в жажде, и удовлетворить его только естественно. Если считать Филдинга распутным, потому что он наслаждался, несколько беспорядочно, любовными утехами, то он, во всяком случае, не хуже прочих мужчин. Как большинство из нас, он раскаивался в своих грехах, но, когда подворачивался случай, грешил снова. Он был вспыльчивым, но добросердечным и щедрым и, несмотря на продажное время, честным; любящим мужем и отцом; отважным и правдивым; верным другом для друзей, которые до самой его смерти оставались ему преданы. Терпимый к чужим недостаткам, он, однако, ненавидел жестокость и лицемерие. Успех его не портил, а невзгоды он стойко переносил с помощью бутылки шампанского и цыпленка. Он принимал жизнь такой, какая она есть, и, находясь в хорошем, добродушном настроении, в полной мере получал от нее удовольствие.

²¹ Боу-стрит – улица в Лондоне, где расположен Главный полицейский суд.

²² Учитывая, что Моэм писал книгу в 1958 г., гонорар в наше время был бы значительно больше.

²³ В 1736 г. был принят Спиртовой закон (или Закон о джине); передача торговли джином аптекарям сделала национальный напиток очень дорогим. В 1752-м грабительский закон отменили.

На самом деле он очень похож на своего Тома Джонса. Хочу предупредить тех, кто собирается впервые прочесть великий роман Филдинга: если вы отличаетесь привередливостью, лучше не раскрывайте его. Хорошо сказал Остин Добсон: «Писатель не претендует на изображение образцов совершенства, а дает зарисовки обычной человеческой натуры – скорее грубоватой, чем утонченной, естественной, а не искусственной; его желание – писать как можно правдивее, не смягчая и не пряча пороки и недостатки». Действительно, Филдинг впервые в английской литературе описал обычного человека. В своих воспоминаниях Ханна Мор²⁴ пишет, что никогда доктор Джонсон так не сердился на нее, как в тот раз, когда она сослалась на один остроумный пассаж в «Томе Джонсе». «Я потрясен, услышав, что вы цитируете такую дурную книгу, – сказал он. – Сожалею, что вы ее вообще читали – ни одна добропорядочная дама не должна признаваться в этом. Я не знаю более порочной книги». Я же хочу сказать, что любая порядочная девушка перед замужеством поступит правильно, если прочтает эту книгу. Она откроет ей глаза на многое, что нужно знать о жизни и мужчинах, и это очень пригодится ей перед вступлением в новый, трудный жизненный этап. Что до доктора Джонсона, то никто не считал его свободным от предрассудков. Он не видел никаких достоинств в творчестве Филдинга и однажды назвал его дураком. На возражение Босуэлла он ответил: «Когда я называю его дураком, это означает, что он бессовестный плут». «Но, сэр, разве он не создал достоверные картины человеческой жизни?» – спросил Босуэлл. «Да, из жизни низших слоев общества. Как говорил Ричардсон²⁵, не знай он, кто такой Филдинг, решил бы, что книгу писал конюх».

Но теперь мы привыкли к описанию простой жизни, и в «Томе Джонсе» нет ничего, с чем бы нас ни познакомили современные романисты. Ханжески настроенные критики пытаются объяснить распущенными нравами того времени эпизод, который считается самым постыдным в карьере мистера Джонса: леди Белластон влюбляется в Тома и видит, что и он согласен удовлетворить ее желание; в тот момент у него нет ни цента, а она богата. Леди щедро вознаграждает его. Бесспорно, для мужчины постыдно брать деньги у женщины, и к тому же невыгодно: богатые дамы в таких обстоятельствах требуют гораздо больше, чем дают. С точки зрения нравственности, это ничем не хуже ситуации, когда деньги берет женщина, и только косное общественное мнение придерживается другого взгляда. Не будем забывать, что в наше время даже сочли необходимым придумать такое слово, как «жиголо», для обозначения мужчины, который использует личную привлекательность как источник заработка, так что отсутствие щепетильности у Тома, хоть это и достойно порицания, не является чем-то уникальным.

В любовных похождениях Тома есть один интересный момент, на котором стоит остановиться. Он искренне и глубоко любит прелестную Софию и при этом не испытывает никаких угрызений совести, предаваясь плотским утехам с любой хорошенькой и доступной женщиной. От этого он Софию любит не меньше. Филдинг не мог сделать своего героя целомудреннее обычного чувственного мужчины – для этого он был слишком умен. Он знал, что все были бы добродетельны, если бы ночью думали так, как утром.

У «Тома Джонса» отличная композиция, отдельные эпизоды следуют один за другим с большой изобретательностью. Филдинга так же мало беспокоила проблема внешнего правдоподобия событий, как и его предшественников, родоначальников «плутовского романа»: в романе происходят самые невероятные вещи, немыслимые совпадения сводят людей вместе, но автор так увлеченно об этом рассказывает, что у вас нет ни времени, ни желания оспаривать это его право. Характеры написаны контрастными красками, смелыми мазками, и если персонажам слегка не хватает утонченности, это с лихвой восполняется их живостью. Боюсь, мистер Олверти слишком уж идеален для человека из плоти и крови; тут Филдинг потерпел

²⁴ Ханна Мор (1745–1833) – английская писательница, автор стихов на религиозные и моральные темы.

²⁵ Сэмюэл Ричардсон (1689–1761) – английский писатель, родоначальник сентиментализма.

неудачу, как терпит ее любой романист, попытавшийся изобразить абсолютную добродетель. Опыт показывает, что невозможно создать такого персонажа, не сделав его несколько глуповатым. Разве не раздражает, когда человек настолько добр, что не замечает, когда его откровенно дурачат. Говорят, прототипом Олверти был Ральф Аллен из Прайор-Парк, о котором Поп писал:

Смиряйся, Аллен, с застенчивым стыдом
Твори добро украдкой и красней потом.

Если все так и есть и портрет действительно точен, то это доказывает одно: персонаж, взятый из жизни, никогда не выглядит убедительно в художественном произведении.

С другой стороны, Блайфил кажется слишком уж дурным, чтобы выглядеть правдоподобно. Филдинг ненавидел обман и лицемерие, и его отвращение к Блайфилю было таким сильным, что он непроизвольно написал его портрет одними черными красками. Однако Блайфил – подлый, низкий, своекорыстный, жестокий тип – не так уж редко встречается в жизни. Стать жуликом ему мешает только страх перед разоблачением. Но главный недостаток Блайфила – безжизненность, он манекен; я задавал себе вопрос: не чувствовал ли автор инстинктивно, что, придав этому персонажу больше активности, яркости, он сделает его более могущественной и зловещей фигурой и тем сместит акценты романа?

«Том Джонс» написан в очень приятной манере, его стиль легче и естественнее, чем у Джейн Остен, чей роман «Гордость и предубеждение» вышел в свет на пятьдесят лет позже. Я вижу причину этого в том, что Филдинг ориентировался на Аддисона и Стиля²⁶, а Джейн Остен находилась под влиянием, возможно, сама того не замечая, напыщенного стиля Джонсона, которым, как известно, она восхищалась, а также писателей своего времени, усвоивших эту манеру. Не помню, кто сказал, что хороший стиль напоминает разговор культурного человека. Именно это можно сказать о стиле Филдинга. Он беседует с читателем, рассказывая историю Тома Джонса, как если бы он рассказывал ее своим друзьям за обеденным столом за бутылкой вина. Подобно современным писателям, он не смягчает выражений своих персонажей. Прекрасная и добродетельная Софья, по всей видимости, привыкла к таким словам, как «шлюха», «ублюдок», «проститутка» и «сука», которое Филдинг, по непонятной причине, пишет как «с-ка». На самом деле были моменты, когда ее отец, сквайр Вестерн, сам так называл дочь.

Но разговорный стиль романа, когда автор, сделав вас поверенным, рассказывает все, что думает о героях и ситуациях, в которые они попадают, имеет свои недостатки. Автор постоянно рядом и препятствует вашему непосредственному контакту с персонажами. Иногда он раздражает вас нравоучениями, а иногда утомляет авторскими отступлениями. Вы не хотите знать, что он думает по тому или этому поводу, вы хотите, чтобы он продолжал рассказывать заинтересовавшую вас историю. Отступления Филдинга почти всегда разумны или забавны, единственный их недостаток в том, что без них можно обойтись. Но они кратки, и у автора достаточно такта, чтобы извиниться за них.

Однако Филдинг пошел еще дальше. Каждую из книг, на которые делится «Том Джонс», он предварил эссе. Некоторые критики в восхищении от них, считая, что те только усиливают впечатление от романа. Я могу объяснить это только тем, что они не заинтересованы в романе как истории. Эссеист берет какую-то тему и обсуждает ее. Если тема, положенная в основу эссе, вам неизвестна, он может рассказать нечто новое, чего вы не знали раньше, но новые предметы для дискуссий отыскать становится все труднее, и обычно вас пытаются заинтересовать новым подходом, своеобразным взглядом на предмет. То есть автор хочет заинтересовать вас собой.

²⁶ Джозеф Аддисон (1672–1719) – английский эссеист, поэт, драматург и политик. Совместно с сэром Ричардом Стилем основал журнал «Спектейтор».

Но это последнее, что вам надо при чтении романа. Автор вас нисколько не интересуется, ему нужно только рассказать историю и познакомить вас с героями. Я прочитал все эссе, которые открывают книги, потому что это моя работа, и хотя я не отрицаю их несомненные достоинства, при чтении меня не покидало нетерпение. Читатель хочет поскорее узнать, что происходит с заинтересовавшими его персонажами, и если он этого не узнает, то не видит смысла продолжать чтение. Ведь роман – никогда не перестану этого повторять – не инструкция и не нравоучение, это интеллектуальное развлечение.

Прочитав написанные страницы, я испугался, что у читателя может сложиться впечатление, что «Том Джонс» – грубая, непристойная книга, в которой описаны одни любовные похождения, доступные женщины и чернь. Но это не так. Просто Филдинг слишком хорошо знал жизнь, и опыт подсказывал ему, что личная заинтересованность – важная составляющая человеческой натуры. Полное бескорыстие прекрасно, но оно не от этого мира, и наивно ожидать встречи с ним. Однако Софья Вестерн – прелестный и нежный образ восхитительной молодой женщины, который трудно превзойти в литературе. Она простодушная, но не глупышка, добродетельная, но не ханжа, у нее есть характер, решимость и мужество, а также любящее сердце и красота. Трогательно, что, создавая ее образ, Филдинг вспоминал свою любимую (и боюсь, многострадальную) жену.

Думаю, что лучше всего будет процитировать в конце этой статьи мудрые слова критика Джорджа Сейнтсбери:

«“Том Джонс” – эпопея, жизнь в которой представлена не серией возвышенных, исключительных и эмоциональных сцен, а событиями из обычного, нормального существования обычного, нормального человека – не безгрешного, не совершенного, а простого, естественного, какого прежде смог изобразить в этом фальшивом мире только один Шекспир».

Джейн Остен и «Гордость и предубеждение»

События жизни Джейн Остен можно изложить очень кратко. Остены – старинный род, в основе состояния которого, как и многих других известных английских семей, лежит торговля шерстью, бывшая одно время ключевой отраслью производства; сколотив состояние, Остены, так же как и более могущественные семейства, купили землю и таким образом влились в ряды поместного дворянства.

Джейн, младшая из семерых детей, родилась в 1775 году в Стивентоне, деревушке в Хэмпшире, где ее отец Джордж Остен был священником. Когда ей исполнилось шестнадцать, отец сменил место жительства и переехал в Бат с женой и двумя дочерьми, Кассандрой и Джейн, – взрослые сыновья уже жили отдельно. В 1805 году он умер, и вдова с дочерьми поселились в Саутгемптоне. Вскоре один из братьев Джейн унаследовал имения в Кенте и Хэмпшире и предложил матери поселиться в любом из них. Она предпочла жить в Чаутоне (Хэмпшир), переезд свершился в 1809 году, и там, ненадолго уезжая к друзьям и родственникам, Джейн оставалась до тех пор, пока болезнь не вынудила ее перебраться в Уинчестер, где она могла прибегнуть к помощи лучших, чем в деревне, докторов. Там она скончалась в 1817 году. Похоронили ее в соборе.

Говорят, что Джейн была очень привлекательной: «высокая, стройная, с легкой, уверенной походкой, она излучала здоровье и живость характера; шатенка с красивым оттенком волос, круглолицая, с небольшими, изящной формы ртом и носом, яркими карими глазами и природными кудряшками, обрамляющими лицо». На единственном портрете, который я видел, изображена молодая женщина с полноватым лицом, неопределенными чертами, большими круглыми глазами и выступающим вперед бюстом; но, возможно, художник отнесся к ней несправедливо. Джейн отличало редкое, специфическое чувство юмора, и, исходя из ее слов, будто ее разговор в точности отражение писем, а те полны остроумных, ироничных и едких замечаний, невозможно сомневаться в том, что писательница была блестящей собеседницей.

Большинство сохранившихся писем адресовано сестре Кассандре. Джейн была к ней очень привязана. И в детстве, и в зрелом возрасте они практически не расставались и вплоть до смерти Джейн разделяли одну спальню. Когда Кассандру отправили в школу, Джейн последовала за ней и, хотя была еще слишком мала, чтобы извлечь пользу из наставлений, внушаемых в школе юным леди, без сестры она просто не могла существовать. «Если б Кассандру приговорили к гильотине, то Джейн потребовала бы, чтоб и ей отрубили голову», – говорила мать. Кассандра была красивее Джейн, холоднее и спокойнее по темпераменту, не такая импульсивная и жизнерадостная; она обладала «искусством обуздывать себя, однако у Джейн был такой счастливый нрав, который не требовал обуздания». Многих искренних почитателей Джейн Остен разочаровали ее письма, в них она выглядела холодной и бесчувственной, а ее интересы казались мелкими. Меня это удивило. Тон писем естественный. Джейн Остен не могла представить, что кто-то, кроме Кассандры, прочтет их, и она писала именно о тех вещах, которые, она знала, будут интересны сестре. Она рассказывала ей, что носят люди, сколько она заплатила за муслин в цветочек, с кем познакомилась и с кем из старых друзей встречалась, а также пересказывала услышанные сплетни.

За последние годы вышло в свет несколько собраний писем известных людей, и что касается меня, то, читая их, я не мог отделаться от мысли, что где-то в подсознании все они подзревали, что когда-нибудь эти письма могут напечатать. У меня создавалось впечатление, что их прямо готовили для печати в литературном журнале. Чтобы не раздражать поклонников недавно ушедших писателей, не буду называть имена, но Диккенс умер давно, и это делает возможным говорить о нем откровенно, не опасаясь кого-то обидеть. Куда бы писатель ни ехал, он

отовсюду писал длинные письма друзьям, в которых красочно описывал все увиденные достопримечательности, и эти письма, как справедливо замечает биограф, можно печатать, не меняя ни единого слова. В то время люди были более терпеливые, и все же можно почувствовать разочарование, когда друг подробно описывает горы и памятники, хотя вы горите желанием узнать, не встретил ли он какого-нибудь интересного человека, на каких был приемах, и удалось ли ему найти книги, или галстуки, или платки, которые вы ему заказали.

Вряд ли Джейн Остен написала хоть одно письмо, которое не заставило бы улыбнуться или посмеяться, и, чтобы доставить удовольствие читателю, я приведу несколько примеров, дающих представление о ее эпистолярной манере. Могу только сожалеть, что не имею возможности привести больше.

«Одиноким женщины имеют отвратительную привычку оставаться бедными, и это сильный аргумент в защиту брака».

«Подумать только! Миссис Холдер мертва! Бедняжка, она сделала единственно возможную вещь, чтобы ее перестали наконец ругать».

«Миссис Холл из Шерборна родила вчера преждевременно от испуга мертвого ребенка. Думаю, это оттого, что она случайно взглянула на своего мужа».

«Умерла миссис У. К., которую мы видели. Не знаю никого, кто бы ее любил, поэтому не испытывала сочувствия к оставшимся в живых, но теперь я полна жалости к ее мужу: уж лучше б он женился на мисс Шарп».

«Я уважаю миссис Чемберлен: она хорошо укладывает свои волосы, но других нежных чувств к ней не испытываю. Мисс Лэнгли ничем не отличается от других низкорослых девиц с широким носом, большим ртом, модным платьем и выставленной напоказ грудью. Адмирал Стэнхоуп похож на джентльмена, но его ноги слишком коротки, а фалды фрака слишком длинны».

Джейн Остен любила танцевать. Привожу несколько ее отзывов о балах, на которых она присутствовала.

«Было всего двенадцать танцев, из которых я танцевала девять, остальные пропустила только из-за отсутствия партнера».

«Там был один джентльмен, офицер из Чешира, очень привлекательный молодой человек, который, как говорили, хотел, чтобы его мне представили, но, видимо, хотел не очень сильно, ибо не приложил достаточных усилий, и мы так и не познакомились».

«Красавиц было мало, да и те выглядели не лучшим образом. Мисс Айрмонгер красотой не блистала, и только миссис Блант вызывала всеобщее восхищение. Она предстала в том же виде, что и в сентябре, – то же широкое лицо, бриллиантовая диадема, белые туфли, розовощекий муж и толстая шея».

«В четверг Чарлз Паулет устроил танцевальный вечер, к великому беспокойству всех соседей, которые, как тебе известно, живо интересуются его финансовым положением и живут надеждой на его скорое разорение. Зато его жена – глупая, злая и притом экстравагантная – полностью оправдала их ожидания».

«Миссис Ричард Харви собирается замуж, но это большой секрет, известный только половине местных жителей, так что держи язык за зубами».

«Доктор Холл в глубоком трауре – или его мать скончалась, или жена, или он сам».

Когда мисс Остен жила с матерью в Саутгемптоне, они наносили визиты, и вот что она написала Кассандре:

«Дома мы застали одну миссис Ланс, и, как она ни хвасталась, никакого потомства, кроме огромного рояля, мы не увидели... У них красивый и богатый дом, и видно, что ей нравится быть при деньгах; мы дали ей понять, что у нас самих другое положение, так что скоро до нее дойдет, что мы не заслуживаем знакомства с нею».

Одна из родственниц Джейн дала повод для сплетен из-за отношения к ней некоего доктора Манта, жена которого по этой причине уехала к своей матери. В связи с этим Джейн писала: «Однако М. – священник, и потому их взаимная привязанность, какой бы аморальной ни была, имеет благопристойный вид».

У нее был острый язычок и изумительное чувство юмора. Она любила посмеяться и любила рассмешить других. Ожидать, что такой человек – мужчина или женщина – ни с кем не поделится хорошей шуткой – требовать от него слишком многого. Но острота редко бывает удачной без щепотки злословия. В человеческой доброте нет изюминки. Острый глаз Джейн замечал глупость окружающих, их претенциозность, манерность и неискренность; к ее чести, это только смешило ее, а не раздражало. Она была слишком добра, чтобы говорить людям в лицо вещи, которые могли бы их огорчить, но не видела вреда в том, чтобы позабавиться за их счет с Кассандрой. Я не нахожу ничего злого даже в самых едких и насмешливых ее словах; в основе ее юмора, как и должно быть, лежит меткая наблюдательность и прямота.

Не раз отмечали следующее: хотя на протяжении ее жизни свершались такие судьбоносные события, как Французская революция, террор, возвышение и падение Наполеона, они не нашли никакого отражения в ее романах. За это ее обвиняли в непомерной отчужденности от реальности. Однако следует помнить, что в ее время интересоваться политикой было неприлично для женщины, политика считалась уделом мужчин; женщины даже не читали газет. И все же нет оснований считать, что если Джейн Остен не писала об этих событиях, значит, они не волновали ее. Она любила свою семью, два ее брата служили в военно-морских силах, их жизнь часто подвергалась опасности, и письма показывают, что она много о них думала. Но разве она не поступила разумно, не касаясь политических событий в своих книгах? Джейн Остен была слишком скромной и не предполагала, что ее романы будут еще долго читать после ее смерти, но если бы такая цель у нее была, она все равно не могла поступить мудрее, чем поступила, избегая углубляться в темы, имевшие с литературной точки зрения преходящее значение. Написанные в последние несколько лет романы о Первой мировой войне совсем не читаются. Такие романы преходящи как газеты, которые изо дня в день рассказывают нам, что происходит.

В книге Остена-Ли «Жизнь»²⁷ есть отрывок, который при небольшом воображении дает представление о той жизни, какую вела долгие тихие годы в деревне мисс Остен. «Можно считать обычным явлением, что большая часть работы или наблюдения за ее выполнением падала на плечи хозяев и хозяек, а меньшая оставалась слугам. Что касается хозяек, то, думаю, всем понятно: они принимали личное участие там, где дело касалось тонкой кулинарии, а также готовили домашние вина и делали отвары из трав для медицинских целей... Дамы не гнушались ткать полотно, из которого шили постельное белье. Некоторые хозяйки мыли своими руками после завтрака или чая любимый фарфор». Мисс Остен проявляла здоровый интерес к платьям, шляпкам и шарфикам; она прекрасно шила и вышивала. Ей, как и положено, нравились красивые молодые люди, и она не имела ничего против флирта с ними. Она увлекалась не только танцами, но и участием в любительских спектаклях, карточной игрой и другими нехитрыми развлечениями. Ей «удавалось все, что она делала руками. Никто из нас не мог кинуть бирюльки так ловко, что получался великолепный круг, или собрать их такой твердой рукой. Ее представления с чашкой и мячом были великолепными. В Чаутоне она показывала его непринужденно и легко – ловила мячик по сто раз подряд, пока не уставала рука». Неудивительно, что ее так любили дети, им нравилось, как естественно она себя с ними держит, и еще нравились длинные, обстоятельные истории.

Никто не назвал бы Джейн Остен «синим чулком» (этот типаж не вызывал у нее симпатии), но ясно, что она была образованная женщина. Р. У. Чэпмен, известный знаток ее твор-

²⁷ Первая биография Джейн Остен, написанная ее племянником Эдвардом Остен-Ли в 1870 г.

чества, составил список книг, про которые точно известно, что она их прочла, и он оказался весьма внушительным. Конечно, она читала романы Фанни Берни, Мери Эджуорт и миссис Рэдклифф («Тайны замка Удольфо»); читала она и романы, переведенные с французского и немецкого (среди них роман Гете «Страдания юного Вертера»); и многое другое, что она смогла взять из передвижных библиотек Бата и Саутгемптона. Она хорошо знала Шекспира, из современников читала Скотта и Байрона, но ее любимым поэтом оставался Коупер²⁸. Нетрудно понять, почему Остен привлекал его холодный, элегантный и здравый стих. Она читала доктора Джонсона и Босуэлла, книги по истории и проповеди.

Это подводит меня к тому главному, что было в ее жизни, – к написанным ею книгам. Писать она начала рано. Со смертного одра в Винчестере она написала племяннице, пристрастившейся к сочинительству, письмо, в котором советовала ничего не писать до шестнадцати лет, признаваясь, что сама часто сожалела, что в эти годы (от двенадцати до шестнадцати) не старалась больше читать и меньше писать. В то время сочинительство считалось недостойным занятием для леди. Монк Льюис пишет: «Я чувствовал отвращение, жалость и презрение ко всем пишущим женщинам. Иголку – не перо – им следует держать в руках, это единственный инструмент, которым они ловко пользуются». Роман почитался тогда низкой формой, сама Джейн Остен была несколько шокирована, что почитаемый ею сэр Вальтер Скотт писал романы. Она «соблюдала осторожность, чтобы ее занятие не привлекло внимания слуг, или гостей, или любого человека не из их семьи. Она писала на маленьких листочках, которые можно было легко убрать или накрыть промокашкой. Между входной дверью и другими помещениями находилась вращающаяся дверь, она поскрипывала, когда ее открывали; Джейн возражала против устранения этого неполадка, с ним она всегда знала, что кто-то идет». Старший брат Джеймс никогда не говорил сыну-школьнику, что книги, которыми тот зачитывается, написала его тетка, а другой брат, Генри, оставил следующую запись в своих воспоминаниях: «Даже возросшая с годами слава, дожись ее сестра, не заставила бы ее поставить свое имя ни на одной книге, вышедшей из-под ее пера». Поэтому на титульной странице ее первой опубликованной книги «Чувство и чувствительность» автор именовался как некая Леди.

То не была первая книга Джейн Остен. Начало литературной деятельности положил роман «Первые впечатления». Джордж Остен, брат писательницы, обратился к издателю с предложением напечатать за счет автора или иным способом «рукописный роман в трех томах, приблизительно равный объемом “Эвелине” мисс Берни». Рукопись вернули по почте. «Первые впечатления» Остен начала писать зимой 1796 года, завершив роман в августе 1797 года; по общему убеждению, это был первый вариант книги, которая вышла в свет шестнадцать лет спустя под названием «Гордость и предубеждение». Затем довольно быстро были написаны «Чувство и чувствительность» и «Нортенгерское аббатство», но и их постигла та же судьба; впрочем, пять лет спустя некий Ричард Кросби купил последний роман, впоследствии переименованный в «Сьюзен», за 10 фунтов. Он так и не опубликовал роман и со временем вернул его за те же деньги. Так как произведения Джейн Остен издавались анонимно, он и понятия не имел, что автор романа, с которым он расстался за такую смехотворную сумму, тот же самый, что написал пользующуюся бешеным успехом книгу «Гордость и предубеждение».

Между 1798-м, когда Остен закончила «Нортенгерское аббатство», и 1809 годами она не создала ничего, кроме фрагмента романа под названием «Уотсоны». Это большой перерыв для такого одаренного писателя, и существует предположение, что тут не обошлось без любовной истории, которая захватила ее с такой силой, что исключила все другие интересы. Но это только догадка. В 1798 году Джейн Остен была молода – всего двадцать четыре года – и, вероятно, могла влюбиться, и даже не раз, но, учитывая ее требовательность, вероятно и то, что она вышла из состояния влюбленности без больших для себя потрясений. Однако наиболее прав-

²⁸ Уильям Коупер (1731–1800) – английский поэт.

доподобное объяснение ее затянувшегося молчания – неверие в возможность найти издателя. Родственники, которым она читала свои романы, приходили от них в восторг, но она была не только скромна, но и умна, и могла решить, что эти сочинения нравятся только любящим ее людям, догадывающимся, кто прототипы героев.

Как бы то ни было, но в 1809 году, когда Джейн Остен с матерью и сестрой поселилась в тихом Чаутоне, она стала редактировать старые рукописи, и в 1811 году был наконец опубликован роман «Чувство и чувствительность». К этому времени сочинительство уже не считалось для женщины зазорным. Профессор Сперджион, читая лекцию о творчестве Джейн Остен перед Королевским литературным обществом, цитирует отрывок из предисловия к «Подлинным письмам из Индии» Элизы Фей. Последняя хотела опубликовать их в 1782 году, но общественное мнение было так решительно настроено против «женского авторства», что она не осмелилась. Однако в 1816 году она писала: «С того времени в человеческих чувствах постепенно произошли большие изменения к лучшему; теперь у нас не несколько храбрых дам занимаются литературным трудом, являясь гордостью своего пола, но много обычных женщин, перестав бояться жестокой критики, прежде сопровождавшей тех, кто пустился в опасное плавание, осмелились направить свои корабли на простор океана, и эти корабли, благодаря остроумию авторов или их нравоучительному дару, найдут путь к читателю».

«Гордость и предубеждение» опубликовали в 1813 году. Джейн Остен продала права на роман за 10 фунтов.

Кроме уже упомянутых трех романов, она написала еще три: «Мэнсфилд-парк», «Эмма» и «Доводы рассудка». На этих немногочисленных книгах зиждется ее слава, и она прочная. Ей пришлось долго ждать выхода в свет своих книг, зато ее замечательный талант оценили быстро. Ею восхищались выдающиеся люди. Я процитирую только слова, сказанные сэром Вальтером Скоттом, который, как всегда, благороден: «У этой молодой леди талант описывать перипетии, чувства и характеры из обычной жизни, что мне представляется удивительным и редким даром. Я, как и прочие, могу изображать масштабные события, но мне не дается тонкий мазок, передающий простые вещи и характеры, которые становятся интересными, благодаря правдивости описания и чувства».

Странно, что Скотт забыл упомянуть о наиболее ценной стороне таланта молодой писательницы: у нее действительно проницательный взгляд и поучительные чувства, но именно юмор придает остроту ее наблюдательности и живость – поучению. Ее диапазон неширок. Во всех книгах она, по сути, пишет об одном и том же, и персонажи ее однообразны. Во многом они те же самые люди, увиденные в новых ракурсах. Джейн Остен обладала замечательным здравым смыслом и правильно оценивала свои возможности. Ее знание жизни ограничивалось узким кругом провинциального общества, и она довольствовалась его описанием.

Остен писала только о том, что хорошо знала; замечено, что она никогда не пыталась воспроизвести беседу мужчин, находящихся вне женского общества, что естественно: ведь она там никогда не присутствовала.

Она не шла наперекор общественному мнению своего времени и, насколько это можно понять из ее книг, была удовлетворена всем происходящим. У нее не было никаких сомнений в правильности социального устройства, она находила естественным деление людей на богатых и бедных. Младшего сына в дворянской семье должным образом готовили к сану священника и получению богатого прихода; молодые люди добивались продвижения на королевской службе благодаря влиятельным родственникам; уделом женщины было замужество – по любви, конечно, но при сопутствующем финансовом благополучии. Все это считалось в порядке вещей, и нет никаких оснований думать, что подобные правила вызывали у Джейн Остен внутреннее сопротивление. Ее семью связывали родственные узы и с духовенством, и с поместным дворянством, и в ее романах не было представителей других классов.

Трудно решить, какой из ее романов лучший, потому что все они хороши и каждый имеет своих верных и даже фанатичных поклонников. Маколей²⁹ считал высочайшим достижением писательницы «Мэнсфилд-парк»; другие критики, не менее знаменитые, предпочитали «Эмму»; Дизраэли³⁰ семнадцать раз читал «Гордость и предубеждение»; в наши дни многие находят, что «Доводы рассудка» – самый изысканный и совершенный роман. Большая часть читателей считает шедевром Остен «Гордость и предубеждение», и, думаю, мы можем присоединиться к их суждению. Книгу делают классикой не похвалы критиков, толкования профессоров или изучение ее в колледжах, а наслаждение и духовная польза, которые извлекает из нее огромное число читателей – поколение за поколением.

Мое скромное мнение таково: «Гордость и предубеждение» – в целом самый удачный ее роман. В «Эмме» меня раздражает снобизм героини; она слишком покровительственно относится к людям, которые занимают более низкое социальное положение, да и роман Фрэнка Черчилля и Джейн Ферфакс совсем мне неинтересен. Это единственный роман мисс Остен, который представляется мне скучным. Герой и героиня «Мэнсфилд-парка, Фанни и Эдмунд, – невозможные педанты, и все мои симпатии на стороне беспринципных, веселых и обаятельных Генри и Мери Кроуфорд. «Доводы рассудка» – произведение редкого очарования, и если бы не эпизод на моле Кобб в Лайм-Рид-жис, мне пришлось бы назвать его самым совершенным романом из шести. У Джейн Остен не было особого дара придумывать необычные ситуации, и этот эпизод кажется мне нелепой выдумкой. Луиза Мазгроув взбегаает вверх по крутым ступеням и затем прыгает вниз, желая, чтобы поклонник, капитан Уэнтворт, ее подхватил. Но он не успевает, она падает, ударяется головой о камни и теряет сознание. Как нам известно, она проделывала так и раньше, и всегда он ее ловил; само расстояние не могло быть больше шести футов, и при падении она никак не могла упасть на голову. Луиза могла рухнуть только на крепкого моряка, пережить встряску, страх, но никак не удар о камни. Но тут она теряет сознание, и начинается невероятная суета. Похоже, все теряют рассудок. Капитан Уэнтворт, который многое повидал и обрел состояние от продажи судна, захваченного в бою, охвачен ужасом. Поведение всех присутствующих при этом событии граничит с идиотизмом, и трудно поверить, что мисс Остен, стойко переносившей болезни и смерти друзей и родственников, оно не кажется исключительно глупым.

Профессор Гаррод, образованный и умный критик, утверждал, что Джейн Остен не способна выдумать историю, объяснив, что под «историей» он подразумевает последовательность романтических или необычных событий. Но у Джейн Остен другой талант, и она совсем не старалась писать такие «истории». В ней было слишком много здравого смысла, да и чувства юмора предостаточно, чтобы быть романтиком, ее интересовали обычные вещи, а не из ряда вон выходящие. Необычность повествованию придавали ее острая наблюдательность, ирония и игривый юмор. Под «историей» многие из нас подразумевают связное и последовательное повествование с началом, серединой и концом. С самого начала роман «Гордость и предубеждение» развивается в правильном русле: появляются два молодых человека, и любовь одного из них к Элизабет Беннет, а другого – к ее сестре Джейн – главная тема романа, и конец его тоже закономерен – свадьба обеих пар. Традиционная счастливая развязка. Такой конец вызывает презрение у людей с изощренным вкусом; действительно, много – возможно, большинство – браков несчастливых, и более того, свадьба не подводит окончательного итога, она всего лишь переход на новый уровень существования. Многие писатели начинают повествование со сцены свадьбы, а дальше описывают последствия этого события. Это их право. Но я думаю, что надо принять во внимание и мнение простых людей, которым нравится, когда книга кончается свадьбой. Мне кажется, инстинктивно они чувствуют: соединяясь в браке, мужчина и женщина

²⁹ Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – английский историк, эссеист, филантроп; автор «Истории Англии».

³⁰ Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд (1804–1881) – английский государственный деятель и писатель.

выполняют свое биологическое предназначение; и все, что встречается на пути, ведущему к такому завершению отношений: зарождение любви, всяческие преграды, размолвки, признания, – отступает перед конечным результатом – потомками, тем поколением, что последует за ними. В природе каждая пара – звено в цепи, ценность которого в том, что к нему можно прибавить еще звено. В этом оправдание счастливой концовки. В книгах Джейн Остен читатель вдвойне удовлетворен знанием, что у жениха солидный доход от поместья и что невесту он привезет в красивый дом, окруженный парком и обставленный элегантной и дорогой мебелью.

Композиция романа «Гордость и предубеждение» представляется мне отличной. Эпизоды следуют естественно, один за другим, нигде не нарушая правдоподобия. Возможно, несколько странно, что Элизабет и Джейн так хорошо воспитаны и великолепно держатся в обществе в то время, как их мать и три младшие сестры весьма заурядны, но это важно для истории, которую взялась рассказать мисс Остен. Я не раз задавался вопросом, почему она не убрала этот камень преткновения, сделав Элизабет и Джейн дочерьми мистера Беннета от первого брака, а миссис Беннет – его второй женой и матерью трех младших дочерей. Джейн Остен любила Элизабет больше всех своих героинь. «Должна признаться, – писала она, – что нахожу ее самым восхитительным литературным образом». Если, как некоторые считают, оригинал для портрета – сама писательница, а она, несомненно, подарила Элизабет свой веселый нрав, жизнерадостность и мужество, остроумие и находчивость, здравый смысл и справедливость, – тогда можно предположить, что в спокойной, доброй и красивой Джейн она изобразила сестру Кассандру. Дарси принято считать ужасным грубияном. Его первый грубый поступок – отказ танцевать с незнакомыми дамами, с которыми он и знать-то не хочет, на публичном балу, куда он пришел с друзьями. Ничего особенно ужасного я тут не вижу. Правда, он делает предложение Элизабет с непростительным высокомерием, но ведь гордыня, порожденная высоким происхождением и богатством, – определяющая черта его характера, и без нее не было бы и самого романа. Более того, эта надменная манера дает Джейн Остен возможность написать самую драматичную сцену романа; ясно, что с обретенным опытом она в дальнейшем смогла дать представление о чувствах Дарси в его противостоянии Элизабет, не заставляя его произносить речи, которые могли бы шокировать читателя.

Возможно, в изображении леди Кэтрин и мистера Коллинза есть преувеличенная гротескность, но комедийная ситуация допускает такое. В комедии жизнь видится в более ярком, но холодном свете, и потому автор может позволить себе некоторое преувеличение, может внести элементы фарса, и это совсем не нанесет ущерба произведению. Разумное использование фарса, подобно крупичкам сахара на ягодах земляники, сделает комедию более аппетитной. Что касается образа леди Кэтрин, следует не забывать, что во времена Джейн Остен высокое положение давало человеку, его занимавшего, чувство бесконечного превосходства над остальными, и тот не только ожидал особого к себе отношения, но и всегда его имел. Леди Кэтрин смотрела на Элизабет как на бедную оборванку, но, вспомним, что и Элизабет смотрела сверху вниз на тетюшку Филипс, вышедшую замуж за стряпчего. В моей юности, сто лет спустя после написания романа, я встречал важных дам, преисполненных ощущения собственной значимости не меньше, чем леди Кэтрин, только у них это выглядело не так крикливо. А что до мистера Коллинза, разве мы не встречаем в наши дни мужчин, в которых сочетаются напыщенность и низкопоклонство?

Никто никогда не называл Джейн Остен великим стилистом. У нее была своеобразная орфография, часто хромала грамматика, но у нее было хорошее ухо. Думаю, в строении ее предложений можно уловить влияние доктора Джонсона. Она скорее применит слово латинского происхождения, чем исконно английское, предпочтет абстрактное – конкретному. Это придает фразе слегка формальный оттенок, что далеко не порок; напротив, такая особенность часто вносит пикантность в остроумную ремарку, а в злословии позволяет видеть всего лишь трезвый взгляд. Диалог у нее настолько естественен, насколько вообще может быть естествен-

ным диалог. Перенесенная на бумагу разговорная речь кажется скучной, ее нужно приводить в порядок. Так как многие диалоги составлены по тем же принципам, что действуют и в наши дни, мы можем предположить, что в конце восемнадцатого века юные девушки в разговоре выражались в манере, которая теперь кажется напыщенной. Так, Джейн Беннет, говоря о сестрах любимого человека, замечает: «Они, конечно, не были расположены к его знакомству со мной, и это неудивительно, ведь он мог бы сделать во многих отношениях более предпочтительный выбор». Я готов верить, что она именно так и говорила, хотя, признаю, верится в это с трудом.

Я еще не сказал ни слова о том, что, на мой взгляд, является величайшим достоинством этой замечательной книги: она легко и с удовольствием читается – с большим удовольствием, чем некоторые более значительные и знаменитые романы. Как сказал Скотт, мисс Остен пишет о простых вещах – перипетиях, чувствах и характерах из обычной жизни; в ее книгах ничего особенного не происходит, однако, дойдя до конца страницы, вы в нетерпении переворачиваете ее, желая знать, что будет дальше, там тоже нет ничего экстраординарного, но вы опять с тем же нетерпением переворачиваете страницу.

Когда это эссе уже было написано, мне случилось однажды вечером сидеть за ужином рядом с дамой, оказавшейся в родстве с потомком брата Джейн Остен. Как помнит читатель, этому брату его кузен оставил большую собственность в Кенте и Хэмпшире при условии, что он будет носить фамилию Найт. У кузена были одни дочери, одну из которых, Фанни, Джейн Остен особенно любила. Та выросла и по мужу стала леди Нэтчбул. Наш разговор за столом перешел на Джейн Остен, и моя соседка сказала, что у ее родственника есть неопубликованное письмо леди Нэтчбул к ее младшей сестре миссис Райс, где говорится о знаменитой тетке. Я загорелся желанием увидеть его, и вскоре любезная дама выслала мне копию письма. Это удивительное письмо так характерно для своего времени и так любопытно, что я счел его достойным опубликования. С разрешения лорда Брэбурна, прямого потомка леди Нэтчбул, я его здесь привожу. Курсив показывает подчеркнутые ею слова.

По тому, как начинается письмо, можно предположить, что миссис Райс смущали некоторые услышанные ею вещи относительно положения тети Джейн в обществе, и она интересовалась, была ли в этих слухах неприятная правда. Леди Нэтчбул в ответ написала следующее:

«Да, моя дорогая, это правда: у тети Джейн по разным причинам были не такие *утонченные* манеры, какие ей следовало иметь при ее таланте; живи она пятьдесят лет спустя, она бы больше пришлась ко двору. Семья была небогата, а происхождение людей, с которыми они преимущественно общались, было далеко не высоким, – короче говоря, *весьма заурядным*. Они, конечно, превосходили окружение по *умственному развитию и воспитанию*, но в *манерах* оставались на таком же уровне; однако, полагаю, в дальнейшем общение с миссис Найт (она их любила и всегда была к ним добра) послужило оттачиванию их манер, а тетя Джейн была настолько умна, что рассталась со всеми признаками «недостатка вкуса» (если такое выражение допустимо) и научилась вести себя как леди – во всяком случае, в общении с другими. Обе тети (Кассандра и Джейн) воспитывались в полном неведении относительно светского общества и царящих там нравов (я имею в виду манеры, моду и т. д.), и, если бы не женитьба папы, приведшая его в Кент, и не доброта миссис Найт, которая приглашала погостить то одну, то другую сестру, они остались бы, несмотря на весь их ум и добросердечие, значительно ниже стандартов, принятых в хорошем обществе. Прости, если тебе неприятно это читать, я всей душой чувствую твою грусть, но все-таки решила написать правду. А сейчас пора одеваться...

...Любящая тебя сестра
Ф. С. Н.»

Это письмо показывает, что можно иметь у своих ног весь мир и тем не менее не производить никакого впечатления на ближайших родственников.

Стендаль и «Красное и черное»

Невозможно на нескольких предоставленных мне страницах дать вразумительное представление о жизни Анри Бейля, известного миру как Стендаль. О его жизни нужно написать целую книгу, а чтобы она была понятной, придется углубиться в общественную и политическую историю его времени. К счастью, такая книга уже существует, и если читатель «Красного и черного» захочет узнать больше, чем я могу себе позволить, об авторе романа, ему лучше всего прочесть живо написанную и полную реалий того времени недавно вышедшую книгу Мэтью Джозефсона «Стендаль, или Поиски счастья». Я же ограничусь только фактами из жизни писателя.

Стендаль родился в Гренобле в 1783 году, отец его, адвокат, был богатым и влиятельным человеком. Мать, дочь главного городского врача, умерла, когда сыну было семь лет.

В 1789 году началась Французская революция. В 1792 году казнили Людовика XVI и Марию Антуанетту.

Стендаль подробно описал свое детство и отрочество, их интересно изучать, потому что именно тогда он вбил себе в голову предрассудки, которые сохранил до конца жизни. После смерти матери, которую, по его словам, он любил со страстью пылкого любовника, о нем заботились отец и сестра матери. Отец был серьезный, честный человек, тетка – требовательная и благочестивая. Мальчик их ненавидел. Принадлежа к среднему классу, они, однако, симпатизировали аристократии, и революция привела их в смятение. Стендаль уверяет, что у него было несчастное детство, но даже из его слов видно, что особенно жаловаться ему было не на что. Мальчик был умен, любил спорить и создавал взрослым проблемы. Когда террор докатился до Гренобля, отец Стендаля попал в список подозреваемых в сочувствии к роялистам; сам он считал, что этому способствовал его конкурент по фамилии Амар, который мечтал заполучить его практику. «Но Амар, – сказал умный мальчик, – внес тебя в лист, где находятся все те, кто не симпатизирует республике, а ты ведь действительно ей не симпатизируешь». Конечно, так и было, но не очень приятно слышать такое пожилому человеку от собственного сына, когда существует реальная угроза гильотины. Стендаль обвинял отца в скупости, но ему всегда удавалось при желании выпросить у того деньги. Ему запрещали читать некоторые книги, но он все равно их прочел. Такое случается с тысячами тысяч детей во всем мире с начала книгопечатания. Основное недовольство мальчика вызывало то, что ему не разрешали свободно общаться с другими детьми, однако жизнь его протекала не так одиноко, как он изображал: у него были две сестры, а на уроках с его наставником – иезуитским священником – присутствовали и другие мальчики. На самом деле Стендаля воспитывали точно так же, как и остальных детей из зажиточного среднего класса того времени. Как все дети, он видел в обычных ограничениях жестокую тиранию, и когда его засаживали за уроки и не разрешали делать то, что ему хотелось, считал себя жертвой чудовищной жестокости.

В этом Стендаль не отличался от большинства детей, но те, вырастая, обычно забывают все плохое. Он же был другим и в пятьдесят три года все еще пестовал старые обиды. Из-за ненависти к воспитателю-иезуиту он стал ярым антиклерикалом и до конца жизни не мог поверить, что религиозный человек может быть искренним. Его отец и тетка были преданными роялистами, и потому он стал страстным республиканцем. Но в одиннадцатилетнем возрасте, отправившись вечером тайно на революционный митинг, он испытал нечто вроде шока. Рабочие оказались сборищем грязных, дурно пахнущих и неграмотных людей. «Короче говоря, – писал Стендаль, – каким я был тогда, таким и остался. Я люблю простых людей, ненавижу их угнетателей, но жить среди них было бы для меня постоянной мукой... У меня были раньше и остались теперь в высшей степени аристократические вкусы; я готов сделать все для народного счастья, но скорее соглашусь проводить ежемесячно две недели в тюрьме, чем жить с

лавочниками». Нельзя не улыбнуться при мысли о том, как этот взгляд типичен для бунтарски настроенных молодых людей, которых часто встречаешь в гостиных богачей.

Стендалю было шестнадцать, когда он впервые приехал в Париж. Отец дал ему рекомендательное письмо к своему родственнику месье Дарю, двое сыновей которого работали в Военном министерстве. Пьер, старший, возглавлял там отдел и вскоре назначил молодого кузена одним из своих многочисленных секретарей. Когда Наполеон начал вторую итальянскую кампанию, братья Дарю отправились с ним, а вскоре и Стендаль присоединился к ним в Милане. После нескольких месяцев его работы в канцелярии Пьер Дарю направил Стендаля в драгунский полк, но тот, наслаждаясь веселой жизнью в Милане, не торопился на новое место службы и, пользуясь отсутствием Дарю, уговорил некоего генерала Мишо взять его к себе адъютантом. Вернувшись, Пьер Дарю потребовал, чтобы Стендаль ехал в свой полк, тот под разными предлогами уклонялся от этого шесть месяцев, а когда наконец добрался до полка, то нашел жизнь там безумно скучной и, сказавшись больным, получил разрешение уйти в отставку. В военных действиях он не участвовал, что не мешало ему в последующие годы хвастаться якобы проявленной в бою удачей; действительно, в 1804 году он сам написал на себя характеристику (ее подписал генерал Мишо), где подтверждал проявленное им мужество в сражениях, в которых – и это доказано – он просто не мог участвовать.

Стендаль вернулся в Париж, где жил на небольшое, но вполне достаточное для жизни пособие, выплачиваемое отцом. У него были две цели. Первая – стать величайшим драматическим поэтом века. Он изучал руководство по драматургии и почти каждый день ходил в театр. В дневник он заносил названия всех увиденных пьес и свое мнение о них. И еще постоянно сообщал, какие бы изменения внес в ту или иную пьесу, если бы был ее автором. У него самого не было замыслов, и поэт он был никакой. Его вторая цель – стать великим любовником. Но тут природа не слишком щедро его одарила: некрасивый, маленького роста, полноватый юнец с крупным туловищем, короткими ногами и большой головой с густой шапкой черных волос; губы тонкие, нос массивный и выступающий вперед; однако карие глаза горели жадным огнем, ступни и руки были изящными, а кожа нежной, как у женщины. Стендаль с гордостью говорил, что от шпаги его кожа на руке покрывается волдырями. Кроме того, он был робок и неуклюж. Благодаря кузену Марциалу Дарю, младшему брату Пьера, он мог регулярно посещать гостиные тех дам, чьи мужья разбогатели в революцию, но от робости не мог вымолвить ни слова. В голове у него рождались умные мысли, но ему не хватало храбрости произнести их вслух. Это мешало его успеху. Стендаль страдал из-за своего провинциального акцента и, возможно, чтобы избавиться от него, поступил в театральную школу. Там он познакомился с актрисой Мелани Гилберт, которая была старше его на два или три года, и после небольшого колебания решил в нее влюбиться. Колебался он частично из-за того, что не был уверен, равна ли она ему величием души, а частично из-за подозрений, что актриса больна венерической болезнью. Успокоив себя по обоим пунктам, он последовал за ней в Марсель, где ее ждали в театре, и там несколько месяцев работал в оптовой бакалейной лавке. В конце концов Стендаль пришел к выводу, что ни духовно, ни интеллектуально Мелани не является женщиной его мечты, и почувствовал большое облегчение, когда нужда в деньгах заставила ее вернуться в Париж.

У меня нет возможности рассказывать обо всех любовных историях Стендаля, остановлюсь лишь на двух или трех, проливающих свет на его характер. Он был озабочен сексуальными проблемами, однако не отличался особенной чувственностью; на самом деле, пока не обнаружились довольно откровенные письма одной из его поздних любовниц, подозревали, что он сексуально холоден. Его страсти являлись порождением ума, победа над женщиной тешила его тщеславие. Несмотря на высокопарные фразы, нет никаких свидетельств, что он мог быть нежным. Стендаль искренен, когда признает, что большинство его любовных связей были несчастны, и нетрудно догадаться почему. Ему мешала нерешительность. Как-то в Италии он спросил одного офицера, как надо себя вести, чтобы добиться женской «благосклонно-

сти», и торжественно записал полученный совет. Он вел атаку на женщин по всем правилам – точно так же как по всем правилам пытался писать пьесы; чувствовал себя оскорбленным, когда видел, что его находят смешным, и удивлялся, когда распознавали его неискренность. Хоть он и был умен, ему никогда не приходило в голову, что женщины лучше понимают язык сердца, а язык рассудка их не трогает. Он думал достичь хитростями и уловками того, что уступает только чувству. Спустя несколько месяцев после отъезда Мелани Гилберт Стендаль вернулся в Париж; благодаря влиянию Пьера Дарю он получил место в интендантстве и был направлен в Брауншвейг. Оставив мечту стать великим драматургом, он принял решение сделать карьеру чиновника. Он видел себя бароном Империи, кавалером ордена Почетного легиона и, наконец, главой департамента с огромным окладом. Хотя он был страстным республиканцем и видел в Наполеоне тирана, укравшего у Франции свободу, он, однако, написал отцу письмо с просьбой купить ему титул. Прибавив к фамилии частицу *де*, он стал зваться Анри де Бейль. Впрочем, он был компетентным и находчивым администратором, и в 1810 году, получив повышение, был отозван в Париж, где работал в канцелярии, располагавшейся в прекрасных апартаментах Дома инвалидов. Он купил кабриолет, завел пару лошадей, кучера и лакея. Поселил у себя хористку, но этого показалось ему недостаточно; он чувствовал необходимость в любовнице, которую мог любить и чье положение способствовало бы его весу в обществе. Александрина Дарю, по его мнению, подходила по всем статьям. Красавица жена Пьера Дарю, с недавних пор графа, была значительно моложе мужа, от которого родила четверых детей. Нет никаких свидетельств того, что Стендаль в его намерении останавливали доброта и долготерпение в обращении с ним кузена Пьера и мысль о том, что неразумно и неблагородно соблазнять жену человека, от которого зависели его продвижение по службе и карьера. Благодарность – неведомая ему добродетель.

Стендаль начал осаду, подключив весь арсенал любовных уловок, но проклятая робость, с которой ему никак не удавалось совладать, мешала. Он был поочередно то весел, то печален, то игрив, то холоден, то страстен, то равнодушен, но ничто не помогало: понять, любит или нет его графиня, было невозможно. Было унижительно подозревать, что за его спиной она смеялась над его нерешительностью. Наконец он рассказал одному старому другу о своих сомнениях, прося совета, какую избрать тактику. Они обсудили проблему со всех сторон. Друг задавал вопросы, Стендаль отвечал, а друг записывал ответы. Мэтью Джозефсон приводит ответы на вопрос: «В чем преимущества соблазнения мадам де Б.?» (Под мадам де Б. подразумевалась графиня Дарю.) «Вот они: он будет следовать наклонностям своего характера; для него это большое социальное продвижение; он продолжит изучение человеческих страстей; его честь и гордость будут удовлетворены». Примечание к документу сделал сам Стендаль: «Лучший совет. Атака! Атака! Атака!» Совет хорош, но им трудно воспользоваться, если природа наградила вас непреодолимой робостью. Несколько недель спустя его пригласили в Бешевиль, загородный дом Дарю; на следующее утро после бессонной ночи он вознамерился приступить к решительным действиям и надел лучшие брюки в полоску. Графиня Дарю похвалила их, когда они гуляли по саду, а сзади, метрах в двадцати, шли ее подруга, мать и дети. Так они ходили взад-вперед, и Стендаль, дрожащий, но полный решимости, наметил место, названное им А в отличие от В, где они в тот момент находились, и дал себе клятву открыться там графине или покончить с собой. Когда они подошли к означенному месту он заговорил, схватил ее руку и пытался ее поцеловать. Стендаль сказал, что любит ее уже восемнадцать месяцев, испробовал все – старался скрыть свое чувство, избегал ее, но больше не может терпеть эту муку. Графиня мягко ответила, что не испытывает к нему никаких чувств, кроме дружеских, и не хочет быть неверной супругой. Она позвала остальных присоединиться к ним. Стендаль проиграл то, что назвал «битвой при Бешевиле». Можно предположить, что его тщеславие пострадало больше, чем сердце.

Спустя два месяца, все еще страдая из-за обманутых надежд, он добился отпуска и уехал в Милан – город, пленивший его еще в первую поездку в Италию. Там десять лет назад его сердце покорила некая Джина Пьетрагуа, любовница его сослуживца; но тогда он был бедным младшим лейтенантом, и она не испытывала к нему никакого интереса. Ему захотелось ее повидать. Ее отец держал магазин, а она, еще совсем юной, вышла замуж за правительственного чиновника. Теперь ей было тридцать четыре года, а ее сыну шестнадцать. Встретившись с ней вновь, Стендаль увидел «высокую и роскошную женщину, в которой по-прежнему было нечто величественное – в глазах, выражении лица, очертании носа. Мне она показалась умнее прежнего, в ней было больше величавости и меньше сладострастной грации». Она действительно была умна, если на скромную зарплату мужа имела квартиру в Милане, загородный дом, держала слуг, экипаж и ложу в «Ла Скала».

Стендаль с горечью сознавал свою некрасивость и, чтобы как-то скрасить внешность, одевался модно и элегантно. Он всегда был склонен к полноте, а от хорошей жизни растолстел еще больше; но у него водились денежки, и одет он был как с картинки. Несомненно, теперь у него было больше шансов понравиться великолепной даме, чем в те времена, когда он был бедным драгуном. Он положил развлечься с ней во время короткого отпуска, но соблазнить ее оказалось труднее, чем он ожидал. Она водила его за нос и только накануне отъезда Стендаля согласилась рано утром принять его у себя. Не самое лучшее время для любовных утех. В тот день он написал в дневнике: «21 сентября, в половине двенадцатого, я одержал долгожданную победу». Это число он также написал на своих подтяжках. На нем были те же полосатые брюки, что и в день объяснения с графиней Дарю.

В 1812 году Стендаль, уговорив с большим трудом графа Дарю помочь ему сменить теплое местечко в Париже на активную службу в интендантстве, последовал за Наполеоном и его армией в злополучный поход в Россию и при отступлении из Москвы проявил себя хладнокровным, деятельным и храбрым офицером. В 1814 году император отрекся от престола, и служебная карьера Стендаля закончилась. По его словам, он отказался от предложенных ему важных постов, предпочтя изгнание службе Бурбонам, но факты говорят другое: он присягнул королю и сделал попытку вернуться на государственную службу. Ничего из этого не вышло, и он вернулся в Милан. У него по-прежнему хватало денег на хорошую квартиру, и в оперу он ездил, как хотел, часто; но все же у него не было того ранга, положения и наличных денег, как в былые дни. Джина держалась с ним холодно. Она сказала, что ее муж, узнав о его приезде, испытал прилив ревности, да и у остальных ее поклонников его возвращение вызвало подозрение. Джина умоляла Стендаля покинуть Милан. Было ясно, она решила с ним расстаться, но ее поведение еще больше разожгло его страсть, и наконец он решил, что есть только один способ вернуть ее любовь. Набрав три тысячи франков, Стендаль передал деньги Джине. Они отправились в Венецию в сопровождении матери Джины, ее сына и пожилого банкира. Для соблюдения благопристойности Джина настояла, чтобы Стендаль жил в другой гостинице, и к его досаде, банкир всякий раз присоединялся, когда они с Джиной обедали вдвоем. Стендаль не видел никакой необходимости в его присутствии. Вот отрывок из его дневника, написанный по-английски: «Она считает, что сделала мне большое одолжение, согласившись ехать в Венецию. Какой я дурак, что дал ей три тысячи франков на это путешествие». И десять дней спустя: «Я переспал с ней... но она подняла вопрос о наших финансовых договоренностях. Вчера утром все иллюзии рассеялись. Политическая деятельность убила во мне чувственность, направив всю нервную энергию в мозг».

16 июня 1815 года Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо.

Осенью вся компания вернулась в Милан. Джина заставила Стендаля снять квартиру в отдаленном районе. Когда она назначала любовное свидание, он ехал туда темным вечером, по дороге для конспирации несколько раз менял экипаж, а в квартиру его впускала горничная. Однако горничная, поссорившись с хозяйкой или подкупленная Бейлем, сделала неожиданное

признание: муж госпожи совсем не ревнив, а вся эта таинственность делается для того, чтобы месье Бейль не встретился с соперником или, точнее сказать, с одним из соперников, потому что их было много, и горничная согласилась это доказать. На следующий день она спрятала его в чуланчике, примыкающем к будуару Джини, и оттуда «он увидел в замочную скважину собственными глазами, как ему изменяют всего в трех футах от места, где он скрывался». «Думаете, я выскочил из чулана, чтобы пронзить кинжалом обоих? Ничего подобного, – пишет Бейль. – Темный чулан я покинул так же тихо, как и вошел, и, думая о забавной стороне этого приключения, смеялся про себя; одновременно я испытывал глубокое презрение к этой даме и радость от того, что наконец обрел свободу».

В 1821 году австрийская полиция потребовала от Стендаля покинуть Милан под предлогом его связи с итальянскими патриотами. Он обосновался в Париже и в течение следующих девяти лет по большей части жил там. За это время у него были одна или две довольно скучных любовных связи. Он посещал салоны, где ценились умные беседы. Стендаль уже не был робким юнцом, он стал остроумным, ироничным собеседником, лучше всего чувствующим себя в обществе восьми – десяти человек, но, как многие златоусты, обычно не давал говорить другим. Ему нравилось диктовать свои законы, и он не скрывал презрения к тем, кто не соглашался с ним. В своем стремлении шокировать окружающих Стендаль без стеснения сквернословил, и светские, острые на язык критики уверяли, что ради забавы или провокации он из кожи вон лезет, чтобы выдавить из себя очередную остроту.

Но вот разразилась революция 1830 года. Карл X отправился в изгнание, а на трон сел Луи Филипп. К этому времени Стендаль истратил то небольшое, что оставил ему отец, а его литературные опыты – ведь он вернулся к мысли стать известным писателем – не принесли ему ни денег, ни славы. Его эссе «О любви» было опубликовано в 1822 году, но за одиннадцать лет продали только семнадцать экземпляров. Тщетно пытался он поступить на государственную службу, и только со сменой режима его назначили сотрудником консульства в Триесте, но из-за либеральных симпатий Стендаля австрийские власти не согласились на его кандидатуру, и его перевели в Чивитавеккья в Папском государстве.

К своим обязанностям Стендаль относился легкомысленно и при каждом удобном случае отправлялся в увеселительные поездки. Он был заядлый турист и обожал осматривать достопримечательности. В Риме он обзавелся друзьями, которые носили его на руках. В Чивитавеккью ему было скучно и одиноко, и в пятьдесят один год Стендаль сделал предложение молодой девушке, дочери его прачки и мелкого служащего консульства. К огорчению Стендаля, ему отказали. В 1836 году он уговорил посланника дать ему небольшое поручение, которое позволило бы три года жить в Париже, с тем чтобы кто-нибудь другой исполнял тем временем его обязанности. Тогда он был уже очень тучным человеком, с красным лицом и длинными крашеными бакенбардами; лысину он скрывал под большим багрово-коричневым париком. Одевался Стендаль по последнему крику моды, как молодой человек, и страшно обижался, если делали замечания по поводу покроя его пиджака или брюк. Он по-прежнему заводил романы, но с меньшим успехом; по-прежнему посещал салоны и витийствовал. Наконец пришло время возвращаться в Чивитавеккью, и там спустя два года с ним случился удар. Выздоровев, Стендаль попросил отпуск, чтобы проконсультироваться со знаменитым врачом в Женеве. Оттуда он поехал в Париж и возобновил прежнюю жизнь. Мартовским днем 1842 года Стендаль был на официальном обеде в Министерстве иностранных дел, а вечером, когда он шел по бульвару, его настиг второй удар. Стендаля отвезли домой, а на следующий день он умер.

Сопоставляя приведенные мною факты, читатель должен заключить, что благодаря превратностям его жизни Стендаль приобрел исключительный и разнообразный опыт, которым может похвастаться не всякий романист. В период великих перемен он сталкивался с самыми разными людьми из всех классов общества, и потому познал человеческую натуру настолько глубоко, насколько позволяли индивидуальные особенности его характера. Ведь даже самый

наблюдательный и умный знаток людей может изучить их только через собственную натуру. У Стендаля было много слабых мест. Он обладал и достоинствами: чувствительностью, эмоциональностью, застенчивостью, честностью, талантом, трудолюбием (если была работа), смелостью и исключительной оригинальностью. Он был хорошим другом. Но у него имелась и куча недостатков вроде нелепых предрассудков и недостойных целей. Он был недоверчив (и в то же время легко обманывался), нетерпим, жесток, не очень добросовестен, по-глупому тщеславен, хвастлив, сладострастен без утонченности и развратен без страсти. Но об этих пороках мы знаем только с его слов. Стендаль не был профессиональным писателем, его с трудом можно назвать литератором, но он непрерывно писал, и писал почти всегда о себе. В течение многих лет Стендаль вел дневник, из которого до нас дошли большие куски, и совершенно очевидно, что он никогда не думал о его публикации. Вскоре после пятидесятилетия он написал автобиографию (в 500 страниц), дойдя до семнадцати лет, – вот ее он предназначал для чтения, хотя смерть не оставила ему времени на редактирование. В ней Стендаль иногда изображает себя более влиятельным, чем был на самом деле, и утверждает, что совершал вещи, которые в действительности не совершал, хотя в целом автобиография правдива. Он не щадит себя, и, думаю, немногие прочтут книгу (что нелегко сделать, некоторые главы скучны, есть повторы), не задав себе вопрос, смогли бы они сделать это лучше, если бы, проявив такое же неразумие, раскрыли себя с той же искренностью.

На смерть Стендаля откликнулись только две парижские газеты. Все выглядело так, что его вот-вот забудут, и, возможно, это и случилось бы, если бы не усилия двух старых друзей, которым удалось убедить крупный издательский дом выпустить собрание его основных сочинений. Однако публика, несмотря на две статьи известного критика Сент-Бева³¹, осталась равнодушной к произведениям Стендаля, и только следующее поколение проявило серьезный интерес к его книгам. Сам он никогда не сомневался, что час пробьет, и его творчество оценят по заслугам, но думал, что это случится к 1880-му или даже к 1900 году. Многие писатели, встречая пренебрежение современников, утешают себя тем, что потомки признают достоинства их книг, но это бывает нечасто. Потомки, занятые своими делами, невнимательны и, когда дело касается литературы былых времен, склонны читать тех, кто был популярен у своих современников. Редкий случай, когда умерший писатель извлекается из забвения, в котором пребывал в дни своей жизни. В случае со Стендалем один профессор, ничем особенно не знаменитый, на лекциях в *Эколь нормаль*³² восторженно хвалил его книги, и так случилось, что среди студентов были умные молодые люди, которые впоследствии сами стали известными людьми. Они прочли рекомендованные произведения и стали фанатичными поклонниками Стендаля, уловив в его сочинениях дух, соответствующий новому времени. Самым талантливым среди молодых людей был Ипполит Тэн³³, и через много лет, став сам прославленным и влиятельным литератором, он написал знаменитую статью, в которой назвал Стендаля величайшим психологом всех времен. С тех пор о писателе написано море литературы, и, по общему мнению, он является одним из трех великих романистов, которых дала миру Франция в девятнадцатом веке.

Его слава жидется на одном отрывке из эссе «О любви» и на двух романах. Из них наиболее приятно читать «Пармскую обитель», два характера в романе просто пленяют воображение. Описание битвы при Ватерлоо по праву считается великолепным. Но «Красное и черное» – роман более оригинальный и более значительный. Прочитав его, Золя назвал Стендаля отцом натурализма, а Бурже³⁴ и Андре Жид³⁵ провозгласили его (неверно) родоначальником

³¹ Шарль Огюстен де Сент-Бев (1804–1869) – представитель французского романтизма в литературной критике.

³² *Эколь нормаль* – школа управления; готовит высококвалифицированных государственных служащих.

³³ Ипполит Тэн (1828–1893) – французский философ-позитивист, эстетик, писатель.

³⁴ Поль Шарль Бурже (1852–1935) – французский романист, поэт.

психологического романа. Книга действительно поразительная. Стендаля больше интересовал он сам, нежели окружающие, и в герои романов он всегда выбирал себя. Жюльен из «Красного и черного» – тот тип мужчины, каким хотел быть Стендаль. Жюльен нравится женщинам и легко добивается их преданной любви – Стендаль отдал бы все, чтобы быть на его месте, но ему не везло с женщинами. Жюльен завоевывает их теми же методами, что изобрел романист, но у того они постоянно не срабатывали. Стендаль говорит о своем герое как о блестящем рассказчике, но поступает мудро, не приводя конкретных примеров.

Он награждает Жюльена своей хорошей памятью, своей храбростью, своей робостью, своим комплексом неполноценности, своей амбицией, чувствительностью, расчетливостью, тщеславием, обидчивостью, беспринципностью и неблагодарностью. Думаю, ни один автор, наделяя героя своими чертами, не создал такой низкий, презренный, полный ненависти характер.

Любопытно, что за исключением описания битвы при Ватерлоо, где он не был, Стендаль мало использовал в литературе опыт, приобретенный им на службе у Наполеона. А ведь можно предположить, что грандиозные события, свидетелем которых он был, дадут ему тему, и та властно потребует своего воплощения в романе. Как помнит читатель, когда Стендаль хотел написать пьесу, он искал сюжет в других пьесах: похоже, у него не было дара выдумывать истории; сюжет «Красного и черного» он взял из газетного репортажа о процессе, который тогда приковал к себе всеобщее внимание. Я стараюсь не разглашать содержания романов, но в этом случае мне придется по крайней мере намекнуть на сюжет. В основу романа Стендаль положил следующий случай: молодой семинарист, Антуан Берте, был воспитателем в доме меcье Мишу, а затем в доме меcье де Кордона. Он пытался соблазнить или соблазнил жену первого хозяина и дочь второго. Его уволили. Берте пытался продолжить учебу в семинарии, но его не восстановили из-за плохой репутации. Он вбил себе в голову, что во всех его несчастьях повинно семейство Мишу; из чувства мести он застрелил мадам Мишу прямо в церкви, а затем выстрелил в себя. Его рана оказалась смертельной, и Берте судили; он старался выгородить себя за счет несчастной женщины, но его приговорили к смертной казни.

Эта отвратительная, грязная история заинтересовала Стендаля; он счел поступок Берте «идеальным преступлением» (*un beau crime*), реакцией сильной, бунтарской натуры против существующего социального порядка. Повысив статус жертв Жюльена, он пытался придать величия действиям преступника, наградив его к тому же незаурядным умом, силой характера и отвагой – всем тем, чем в значительно меньшей степени обладал несчастный Берте. Но история все равно осталась отвратительной, а Жюльен – низкой личностью. Однако его характер – живой и естественный, и от романа невозможно оторваться. Жюльен – юноша из рабочего класса, разрушающий из зависти и мести жизни тех, кто родился в привилегированной среде, представитель того типа людей, которые встречаются в каждом поколении. Вот как Стендаль описывает Жюльена при первом появлении того на страницах романа: «У этого низкорослого юноши лет восемнадцати-девятнадцати, на вид слабосильного, были неправильные, но тонкие черты лица, нос с горбинкой. Когда ничто не беспокоило юношу, в его больших черных глазах видна была работа мысли, виден был огонь, но сейчас они выражали только дикую злобу. Темно-каштановые волосы закрывали ему почти весь лоб, и от этого, когда его что-то раздражало, лицо казалось свирепым... Стройный и гибкий стан юноши свидетельствовал о его ловкости, но не о силе». Не очень привлекательный портрет, но достоверный, ибо не располагает читателя в пользу Жюльена. Обычно герой романа естественным образом завоевывает читательскую симпатию, и Стендаль, взяв в герои негодяя, с самого начала позаботился, чтобы читатель не очень обольщался на его счет. С другой стороны, Жюльен должен вызывать интерес. Нельзя делать его слишком отвратительным, и потому Стендаль смягчает первое описа-

³⁵ Андре Жид (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947).

ние, несколько раз упоминая, какие красивые у него глаза, стройная фигура и изящные руки. Иногда он прямо называет его красавцем. Но не забывает время от времени привлекать внимание читателя к непонятному беспокойству, вызываемому у людей в присутствии этого юноши, и подозрительности, с какой на него смотрят все за исключением тех, которым как раз и надо быть настороже.

Образ мадам де Реналь, матери детей, которых Жюльен взялся учить, написан великолепно, хотя это задача не из легких. Она прекрасная жена, заботливая мать, добрая женщина, обворожительная, добродетельная, искренняя; и рассказ о ее возрастающей любви к Жюльену с чередованием страхов, колебаний и пламенной страсти написан мастерски. Ее образ – один из самых трогательных в литературе. Портрет аристократки Матильды де ля Мошь неубедителен. Стендаль никогда не был своим в светском обществе и не знал, как себя ведут хорошо воспитанные люди. Только парвеню может считать, что особы благородного происхождения постоянно помнят о своей знатности. Жюльен думал, что пренебрежительное высокомерие мадемуазель де ля Мошь говорит об аристократизме, но оно просто вульгарно. Ее поведение – сплетение нелепостей.

Стендаль терпеть не мог цветистый стиль, введенный в моду Шатобрианом, теперь этот стиль старательно копировали сотни менее талантливых писателей. Цель Стендаля – передать то, что он хочет сказать, как можно проще и точнее, без всяких ненужных излишеств – риторических украшений или живописного многословия. Он говорил (возможно, не совсем искренне), что, перед тем как писать, прочитывает страницу из римского права, чтобы облагородить язык. Избегал описания пейзажей и прочих украшательств, популярных в его время. Избранный им холодный, четкий, бесстрастный стиль только нагнетает ужас и добавляет интерес к этой захватывающей истории. Я не представляю, как можно лучше, чем это сделал Стендаль, описать жизнь Жюльена в семействе Реналь и в семинарии; однако, когда действие перемещается в Париж и в особняк де ля Мошь, лично я отношусь к повествованию скептически. Мне предлагают принять больше неправдоподобных сцен, чем я могу стерпеть, и пытаются заинтересовать тем, что я нахожу бессмысленным. Стендаль старался следовать реалистической традиции, но тогда никто, как бы ни старался, не мог противостоять духовной атмосфере времени. Процветал романтизм. И Стендаль, несмотря на его восхищение здравомыслием и изысканной культурой восемнадцатого века, попал под его влияние. Его восхищали жестокие мужчины итальянского Ренессанса, которых никогда не мучили угрызения совести и которые без колебаний шли на преступления, чтобы добиться желаемого – удовлетворить похоть или отомстить за оскорбление. Он высоко ценил их силу воли, презрение к условностям и свободу духа. Именно из-за романтических пристрастий вторая половина романа так неубедительна.

Стендаль совершает, по моему мнению, огромную ошибку как раз в тот момент, когда Жюльен путем лицемерия, дипломатии и самоограничения почти достигает своей цели. Нам известно, что Жюльен умен и хитер, как лис, а он, рассказывая о себе будущему тестю, предлагает тому написать мадам де Реналь, честной женщине, которую он соблазнил, чтобы она дала ему характеристику. Неужели ему не пришло в голову, что она или ненавидит его за причиненное им зло, и тогда может отомстить, или продолжает его любить, и тогда ей вряд ли понравится, что он женится на другой? Нам известно, что мадам де Реналь честная женщина. Жюльен мог бы предположить, что она, возможно, сочтет своим долгом рассказать об отсутствии у него моральных принципов. Так она и поступает – пишет письмо, где открывает всю правду. И вместо того чтобы все отрицать, объяснив ее поступок мстительной отвергнутой женщины, он берет пистолет, едет туда, где она живет, и стреляет в нее. Жюльен ничего не объясняет. Он действует импульсивно, а мы знаем, что Стендаль безмерно восхищался импульсивными поступками, проявлениями страсти; но уже в самом начале романа нам показали, что сила Жюльена заключается главным образом в безграничном самоконтроле. Все его страсти, зависть, ненависть, гордыня, тщеславие никогда не брали над ним верх, и сластолюбие,

сильнейшая страсть из всех, была, как и у самого Стендаля, не столько порождением страстного желания, сколько удовлетворением тщеславия. В кульминации Жюльен совершает роковой поступок: он выходит из образа.

Стендаль точно следовал истории Антуана Берте, и он, несомненно, собирался следовать ей и дальше – до самого конца; похоже, не заметив, что, во-первых, Жюльен очень отличался от шантажиста, послужившего прототипом, а во-вторых, Берте был убежден, что мадам Мишу уничтожила его шансы на карьеру. Берте нанесли ущерб, Жюльену нет. Если мадам де Реналь разрушила его честолюбивые планы, то ему следовало винить в этом только свою глупость, а ведь он далеко не глуп; и в руках держал, кроме того, козырные карты, которые могли нейтрализовать последствия его непонятной ошибки. Дело в том, что у Стендаля было плохо с воображением, и ему не удалось закончить книгу так, чтобы читатель счел ее правдоподобной. Но, как я уже говорил, нет совершенных романов, что частично связано с естественной неполноценностью формы, а частично – с недостатками тех, кто пишет романы. Тем не менее «Красное и черное» остается одним из самых замечательных романов человечества. Его чтение – уникальный опыт.

Эмили Бронте и «Грозовой перевал»

Патрик Пранти родился в графстве Даун (Северная Ирландия) в 1777 году. Его отец, фермер, имел всего несколько акров земли, на доход с которой должен был кормить семью с десятью детьми, так что Патрик довольно рано пошел работать – сначала ткачом, потом учителем в сельской школе и воспитателем в семье священника. Честолюбивый юноша стремился преуспеть в жизни, и с помощью священника, своего работодателя, ему удалось собрать достаточно денег, чтобы поступить в Кембридж. К этому времени ему исполнилось двадцать пять – многовато для поступления в университет; высокий и крепкий молодой человек был красив и знал об этом. Учась в колледже Св. Иоанна, он сменил свою плебейскую фамилию Пранти на Бронте (название городка на Сицилии, который вместе с великолепным поместьем был незадолго до того подарен Нельсону Фердинандом IV). По завершении обучения Патрик Бронте был посвящен в духовный сан и, сменив несколько мест, осел в должности викария в Хартшеде. Здесь он женился на Марии Брэнуелл, дочери корнуоллского торговца. У них родились две дочери, Мария и Элизабет. Затем его перевели викарием в другой приход вблизи Бредфорда, где миссис Бронте родила еще четверых детей – Шарлотту, Патрика Брэнуелла, Эмили и Анну. В 1820 году преподобному Патрику Бронте дали собственный приход в йоркширской деревушке Хоурт с небольшим доходом в 200 фунтов в год; и здесь он, удовлетворив, по-видимому, свои амбиции, оставался до самой смерти. В Ирландию он никогда не ездил и не видел оставленных там родителей, братьев и сестер.

В 1821 году скончалась его жена, и приблизительно через год, после двух или трех попыток снова жениться, он вынудил ее старшую сестру Элизабет Брэнуелл переехать к нему из Пензанса и ухаживать за детьми.

Небольшой каменный дом священника в Хоурте стоял вблизи церкви на выступе крутого холма, под которым располагилась деревушка. Каменные полы и лестница были холодные и сырые, и мисс Брэнуелл из страха схватить простуду всегда ходила по дому в паттенах³⁶. В доме на первом этаже была гостиная, кабинет хозяина, кухня и кладовая, на втором – четыре спальни и холл. Ковры стелили только в гостиной и кабинете, и никаких штор: мистер Бронте боялся пожара. В его кабинете стояли столы из красного дерева и стулья, набитые конским волосом, но остальные комнаты были скудно меблированы. Перед домом и позади него проходили узкие полосы сада, по бокам – кладбище. А вокруг, куда ни бросишь взгляд, одни унылые болота.

Мистер Бронте подолгу бродил по болотистой местности. Он был из тех людей, что избегают общества, и не проводил времени ни с кем, кроме священника из соседнего прихода, изредка его навещавшего, а ежедневно видел только церковного старосту и прихожан. Еще при жене он завел привычку есть в своем кабинете, сохранив ее до конца жизни. В восемь часов вечера он читал вечерние молитвы, а в девять запирал и закрывал на засов входную дверь. Проходя через комнату, где находились дети, отец приказывал им не засиживаться, а на середине лестницы останавливался, чтобы завести стенные часы. Он был вспыльчивым, эгоистичным, «угрюмым и властным» человеком. Женившись, он холодно и пренебрежительно обращался с супругой, детей не любил и раздражался, когда они отрывали его от работы; дети были болезненные, он же хотел видеть их крепкими и равнодушными к еде и одежде. Сам он не ел мяса и не позволял детям его есть, их кормили, как и его самого в детстве, почти одной картошкой. Сын бедного ирландского фермера не разрешал своим детям дружить с деревенскими сверстниками, и они были вынуждены проводить время в «детской» – холодной, маленькой комнате на втором этаже, – читая или тихо перешептываясь друг с другом, чтобы не мешать

³⁶ Башмаки на деревянной подошве, надевались поверх обычной обуви для ходьбы по грязи.

отцу, который в состоянии раздражения или недовольства хранил угрюмое молчание. По утрам он проводил с детьми уроки, а потом передавал их мисс Брэнуелл, которая учила их рукоделию и ведению домашнего хозяйства.

Дети развлекались прогулками вблизи болот, а также сочинительством пьес, стихотворений, очерков и романов. В 1824 году Марию и Элизабет, а затем Шарлотту и Эмили отправили в школу в Коуэн-Бридж, незадолго до того открытую для дочерей бедных священников. Климат там был нездоровый, еда плохая, руководство некомпетентное. Две старшие дочери умерли, а Шарлотту и Эмили, чье здоровье было тоже подорвано, хотя и с опозданием, забрали из школы. Дальнейшее обучение они получили у тетки. Девочки много читали, их знакомство с английской классикой было основательным – конечно, они знали Шекспира и Мильтона, Попа (который не приводил в восхищение Шарлотту), Скотта, Байрона и Вордсворта, а также Джона-сона «Жизни поэтов» и Мора «Жизнь Байрона». Из беллетристики они читали только Скотта, потому что, как говорила Шарлотта, «после него писать романы бессмысленно».

Брэнуелла считали самым умным в семье, и отец относился к нему по-особому. Он не послал сына в школу, а сам занялся его образованием. У мальчика рано проявились способности, и его манеры были обворожительны. Его друг Ф. Х. Гранди так описывает Брэнуелла: «Он был небольшого роста и очень переживал по этому поводу. Густую рыжую шевелюру он зачесывал вверх – наверное, чтобы казаться выше. У него был большой, бугристый, чуть ли не вполовину лица лоб, говорящий о мощном интеллекте; маленькие, как у хорька, глаза, глубоко посаженные и почти скрытые под постоянно носимыми очками; выступающий вперед нос и безвольная нижняя часть лица. Его взор был почти постоянно потуплен, лишь в редкие моменты он бросал быстрый взгляд на собеседника. Маленький и худой, он на первый взгляд казался совсем не привлекательным». Сестры его обожали и ждали, что он многого достигнет в жизни. Брэнуелл обладал неистощимым красноречием, а от какого-то ирландского предка он унаследовал (отец ведь был мрачным, молчаливым человеком) поразительную контактность и непринужденную словоохотливость. Когда хозяин «Черного быка» видел, что остановившийся у него путник чувствует себя одиноко, он спрашивал: «Не хотите ли, сэр, чтобы кто-нибудь помог вам справиться с этой бутылкой? А то я могу послать за Патриком». Брэнуелл всегда был готов услужить.

Когда Шарлотте исполнилось шестнадцать, ее опять определили в школу – на этот раз в Роу-Хед, где ей понравилось, но через год вернули домой – учить двух младших сестер. Семья была бедная – девочкам не на что было рассчитывать: свои небольшие деньги мисс Брэнуелл завещала забавному племяннику, и потому они решили, что им остается только готовиться в гувернантки или учительницы. Брэнуеллу исполнилось восемнадцать лет, пришла пора задуматься, какое ремесло или какую профессию ему избрать. Как и сестры, он хорошо рисовал и горел желанием стать художником. Было решено, что он поедет в Лондон учиться в Королевской академии художеств. Непонятно, поехал он или нет, хотя в энциклопедии «Британика» говорится, что поехал и там «месяц потакал самым экстравагантным желаниям», а потом вернулся домой. «Занятия живописью какое-то время продолжались в Лидсе, но можно предположить, что никаких заказов не было, и тогда он устроился учителем к сыну мистера Постлету-ейта в Барроуин-Фернесс. Через десять месяцев он уже работал кассиром на железнодорожном вокзале Совербай-Бридж, а позднее – в Ладденден-Фут». Его отовсюду выгоняли из-за полного пренебрежения к своим обязанностям.

Тем временем Шарлотта вернулась в Роу-Хед уже как учительница и привезла с собой Эмили в качестве ученицы. Но Эмили так отчаянно скучала по дому, что даже заболела, и ее пришлось отправить домой. На ее место приехала Анна, отличавшаяся более спокойным и покладистым нравом. Но после трех лет преподавания здоровье Шарлотты пошатнулось – как ни старался мистер Бронте сделать из детей крепышей, они оставались болезненными и хрупкими, – и она вернулась в Хоуорт.

В то время ей было двадцать два года. Брэнуелл не только превратился в источник постоянного беспокойства для домашних, но еще и постоянно тянул с них деньги; и Шарлотта, как только ей стало лучше, почувствовала, что обязана пойти в гувернантки. Эта работа ей не нравилась. Дело в том, что ни она, ни сестры не любили детей, как и их отец.

«Мне трудно противостоять грубой фамильярности детей», – писала Шарлотта близкой подруге. Ей также претило находиться в подчиненном положении, и она все время была настороже, ожидая оскорблений. Как можно судить по письмам, она ждала, что ее будут просить, как об одолжении, делать то, что работодатели считают нормой. Она продержалась в гувернантках только три месяца и вернулась домой, однако через два года повторила попытку. На новом месте она освоилась и чувствовала себя лучше, чем на предыдущем, но тем не менее жаловалась подруге: «Никто, кроме меня, не скажет, как тяжело дается мне жизнь гувернантки: ведь никто другой не знает, как протестуют мой разум и вся моя природа против работы по принуждению». Шарлотта и раньше вынашивала мысль открыть с двумя сестрами свою школу, теперь она снова вернулась к ней; работодатели, люди, по-видимому, приличные и добрые, поддерживали в ней это стремление, но считали, что для успеха предприятия ей нужна необходимая квалификация. Она читала, но не говорила на французском, не знала немецкого, и потому решила, что ей необходимо ехать за границу и учить языки. Тетушка субсидировала проект, и Шарлотта в сопровождении сестры Эмили отправилась в Брюссель, где поступила в школу-пансионат Эгера. После десятимесячной учебы их отозвали в Англию: тяжело заболела тетя. Вскоре она умерла, оставив те небольшие деньги, которыми владела, трем сестрам, лишив наследства Брэнуелла за недостойное поведение. Теперь денег хватало на то, чтобы привести в исполнение давно вынашиваемый план по открытию собственной школы, но у старика отца быстро падало зрение, и было решено открыть ее при церковном доме. Однако Шарлотта не считала себя хорошо подготовленной к новой роли, и потому приняла приглашение месье Эгера вернуться в Брюссель и преподавать в его школе английский язык. Анна работала гувернанткой, а Эмили осталась дома. Шарлотта провела в Брюсселе год, а по ее возвращении в Хоурт три сестры подготовили рекламные проспекты будущей школы, и Шарлотта написала всем своим знакомым с просьбой рекомендовать их учебное заведение как можно большему числу людей. Но учеников не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.